

Поморский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Лаборатория фольклора

Н.В.Дранникова

ФОЛЬКЛОР АРХАНГЕЛЬСКОГО КРАЯ
(из материалов архива лаборатории фольклора)

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, СТЕРЕОТИПНОЕ

Архангельск
Поморский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

2001

V 1321925

Экспедиционная работа лаборатории фольклора

В сборник вошли лучшие материалы из архива лаборатории фольклора ПГУ им. М.В.Ломоносова и личного архива Н.В.Дранинковой. В работе вводится в научный оборот большой корпус новых текстов, полученных в результате многолетних экспедиционных исследований на территории Архангельской области, преимущественно в Пинежских экспедициях.

Архив лаборатории состоит из двух частей: фольклорного архива кафедры литературы Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова и архива кафедры истории и теории литературы Северодвинского гуманитарного института при ПГУ. Архив кафедры литературы ПГУ начал создаваться с 1978 г. В него вошли материалы экспедиционных исследований, которыми руководила доцент, к.ф.н. Л.В.Федорова. Архив кафедры теории и истории литературы создается в 1989 г. В архиве находятся материалы, собранные во время полевых исследований, прошедших под руководством доцента, к.ф.н. Н.В.Дранинковой.

В 1995 г. в ПГУ создается лаборатория фольклора, объединившая архивы двух кафедр. В современной науке одним из актуальных направлений является исследование отдельных ареалов и локальных общностей, поэтому одним из основных направлений работы лаборатории по-прежнему остается экспедиционное. В настоящее время архивы имеют общую базу данных, жанровые и топографические указатели. В методические рекомендации преимущественно вошли записи текстов, сделанных во время экспедиций Северодвинского гуманитарного института и личного архива Н.В.Дранинковой, которые представляют фольклорную традицию Архангельской области начиная с 1979 г.

Систематическая экспедиционная работа велась Северодвинским гуманитарным институтом с 1989 г. Целью экспедиций был сбор традиционного фольклора Архангельской области и анализ синхронных процессов, происходящих в севернорусской традиционной культуре. С 1994 г. из чисто собирательской работа переходит в научно-исследовательский план. Разрабатываются вопросники, складывается принцип собирания материала микрогруппами по 2–3 человека. Народная культура начинает рассматриваться во всем многообразии вербальной духовной культуры.

В 1989–1990 гг. состоялись две экспедиции в Каргопольский район. В экспедициях приняли участие студенты Ж.Лобачева, О.Осадчук, Т.Шубина, Н.Пахомова, Е.Наумова, О.Спирина, Л.Кирилова, Л.Верещагина, Н.Максимова, В.Соковикова, К.Рычкова, А.Шилов, В.Вороник, И.Попов, В.Зеленин, А.Чураков, Л.Мокрополова, Л.Шабанова, Н.Ка-

чарина, И.Петрова, Н.Завьялова, преподаватель Н.В.Дранникова. Были обследованы такие населенные пункты, как г.Каргополь, д.Нокола, Лекшимозеро, Печниково, Тихманьга, Лядины, Калитинка, Кречетово, с.Ошевенское. Было сделано более двух тысяч записей различных в жанровом отношении текстов. Запись проводилась безотборочно стационарным методом.

В науке Каргополье известно как один из очагов былинной поэзии. Экспедиции 1989–1990 гг. позволили сделать вывод о том, что былинная традиция на Каргополье исчезла. Только один информатор, А.Ф.Харитонов, 1904 г.р., из с.Ошевенского, смогла вспомнить сам факт исполнения былин в Ошевенском.

В первую очередь в фольклоре разрушается эпическая традиция. Это касается и баллад, некогда так распространенных на Каргополье (еще в 50–70 гг. XX в. баллады записывались экспедициями МГУ и ИРЛИ (Пушкинского Дома). В 1990 г. нами была найдена уже всего одна баллада – «Муж-солдат в гостях у жены», записанная в двух вариантах в самом Каргополе. Их анализ показал, что текст сохранился полностью.

Большую часть собранного материала составили песни, среди них есть записи корильных песен о деревнях (аналогичные песни позднее были записаны нами в Лешуконском районе и на Пинеге). Хорошо сохранилась на Каргополье поседелочная культура. Многие из поседелочных игр: «Зайнька», «Туссок», «Разиня» содержат в себе представление о традиционной картине мира. Кадрильными песнями здесь зачастую являются тексты, которые в других регионах маркируются как плясовые, например, «Как у ворот, у ворот» и др.

Обряды, как и во всех других микролокальных традициях, подвергаются процессу разрушения. Лучше сохраняется нохоронно-поминальная обрядность. Удалось записать специализированный пастушеский ритуал «Отпуск скота». В первый день выгона (чаще всего на Егория (6 мая) или Николу Вешнего (22 мая) пастух читает текст заговора, обращаясь за помощью к святым, Иисусу Христу с целью защитить скот. После этого он гонит скот на пастбище вербными ветками, запасёнными в Вербное воскресенье.

Особенностью каргопольского фольклора является большой корпус не-сказочной прозы: предания о истории и памятниках зодчества Каргополья, эсхатологические легенды и легенды о местных святым и христианских подвижниках (А.Ошевенском и др.). Средний возраст каргопольских информаторов – 55–70 лет.

В 1992 г. состоялась экспедиция в Лешуконский район, входивший до 1929 г. в состав Мезенского уезда. В экспедиции принимали участие студенты: К.Мекешин, И.Бутаков, Э.Саломатин, С.Кучинский, М.Козика, Е.Прилучная, В.Мозгова, Л.Кузнецова Т.Гуменюк; преподаватель – Н.В.Дранникова. Работа была организована в д.Кельчемгоре, Смоленец, Нисогоре и с.Лешуконское.

Была зафиксирована консервация песенной традиции в верховьях р.Мезни. Сделаны записи нескольких баллад («Тёща в плену у зятя»,

«Жена разбойника», «Муж-солдат в гостях у жены») и исторических песен («Песня об Александре», о смерти Александра I в Таганроге, и несколько текстов о войне 1812 г.). Это, безусловно, свидетельствует о лучшем сохранении балладной и песенной эпической поэзии в Лешуконии, нежели в Каргополье.

Диакхронно-синхронный анализ необрядовой лирики (в качестве сравнительного материала привлекались записи Пушкинского Дома)¹ показал, что, несмотря на хорошую степень сохранности народной песни, для нее характерны такие общефольклорные процессы, как сокращение текста, лиризация эпических песен (например, песня «Талань», или баллада «Жена разбойника», везде исполняется как плясовая песня, кроме того, ее основные ядерные эпизоды стали «бродячими» куплетами и встречаются в различных текстах; происходит контаминация текстов; свадебные и календарные песни потеряли свою обрядовую приуроченность и исполняются как необрядовые («Во славно-то во городе Черёповце», «Отставала лебедушка», «Соколы да соколы перелетные», «Во горнице стол стоял» и др.).

В 1933 г. проводится экспедиция на Летний берег Белого моря (д. Лопшеньга и Яренга). Участники экспедиции студенты СГИ И. Бутаков, К. Мекешни, С. Кучинский, К. Денисов, М. Козика, Е. Прилучная, В. Мозгова, О. Кудреватая, Л. Кузнецова, О. Шаманина, С. Снежко; преподаватель Н. В. Дранникова. Экспедиционные исследования показали, что фольклорные традиции на Летнем берегу Белого моря, как этнокультурном пространстве, во многом утрачены. Средний возраст информаторов — 70 лет и выше.

Были записаны заговоры, песни, тексты о святочных бесчинствах и гаданиях, восходящие в реконструкции к архаической картине мира. В Лопшеньге и Яренге распространены легенды, связанные с Соловецким монастырем (например, о чудесах, происходящих над телами Иоанна и Логгина Яренгских, погибших во время шторма и выброшенных в Яренге). В целом же, народное творчество указанных деревень испытало сильное влияние городской субкультуры.

В 1994–1995 гг. начинается изучение традиционной культуры Поважья как системного целого. Регион Поважья составляют бывшие Вельский уезд Вологодской губернии и Каргопольский уезд Олонецкой губернии.

В экспедициях 1994–1995 гг. участвовали студенты Д. Гевель, С. Зелянин, Л. Гончарова, Ж. Коновалова, И. Бутаков, Е. Давыдова, Л. Кузнецова, С. Снежко, О. Шаманина; преподаватель Н. В. Дранникова и старший научный сотрудник Музея деревянного зодчества и народного искусства Малые Корелы Л. Г. Козинская.

Экспедиция работала в д. Валдеево, Тавреньга (Коцеевская, Афанасовская, Фоминская, Першинская, Пуминовская, Тончаевская, Верховье, Слобода, Якушевская, Пономаревская, Семеновская) и с. Хмельники.

¹ Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Кошпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. — М.; Л., 1963.

Вывод, который был сделан во время экспедиций 1994–1995 гг., – традиционная культура Поважья близка к культуре Вологодской губернии/области. Это подтверждают структурно-поэтические особенности обрядов, комплекс костюма, развитая демонологическая традиция, характерные для Вологодской губернии.

Следует считать находкой запись текста «обмирания» (посещения того света)¹. «Обмирания» впервые были описаны Н.И.Толстым² и топографически соотнесены с зоной Полесья. Запись текста «обмирания» позволяет поставить ряд важных этногенетических проблем.

С 1996 г. регионом экспедиционных исследований становится Пинежье. Начиная с конца XIX в. Пинега привлекала к себе внимание собирателей и исследователей народной культуры. Здесь работали в 1900 г. – А.Д.Григорьев, в 1914, 1915, 1916 и 1921 гг. – О.Э.Озаровская, в 20-е гг. XX в. – А.И.Никифоров, И.В.Карнаухова, в 1927 г. – комплексная экспедиция Государственного института истории искусств, в состав которой вошли А.М.Астахова, З.В.Эвальд, Е.В.Гиппиус, Н.П.Колпакова и др., в 30-е гг. – Н.И.Рождественская; в 50–70-е гг. – экспедиции ИРЛИ (Пушкинского Дома) и МГУ им. М.В.Ломоносова, доцент Калининградского университета Г.Я.Симина³. Экспедиции ПГУ 1996–1997 гг. носили характер преемственности и позволили сделать выводы о современном состоянии фольклора Пинежья.

В июле 1996 г. экспедиция проходила в среднем течении р.Пинеги – д.Кевроле. Ее участники – студенты М.Рядовкин, С.Шмаков, Д.Ральцева, Т.Кошелева, О.Поспелова. В 1997 г. экспедиция в составе студентов А.Баранова, Е.Косенко и преподавателя Н.В.Дранниковой работала в верхнем течении р.Пинеги на территории Сурского сельсовета.

С 15 по 31 июля 1998 г. на территории Сурского и частично Нюхчинского сельсоветов работала фольклорная экспедиция ПГУ (в составе доцента ПГУ Н.В.Дранниковой, студентов М.Сокова, В.Сазонова, Г.Валкина, Ю.Ожерельевой, Т.Саловой). Экспедиция была организована при финансовой под-

¹ Толстой Н.И., Толстая С.М. О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. – Тарту, 1979. – С. 63–65.

² Там же. – С. 63–65.

³ Архангельские быльни и исторические песни / Собр. А.Д.Григорьевым в 1889–1901 гг.: В 3 т. (Т. 1. – СПб., 1904; Т. 2. – Прага, 1939; Т. 3. – СПб., 1910); Озаровская О.Э. Бабушкины старины. 2-е изд., изм. и доп. – М., 1922; Озаровская О.Э. Пятиречье. – Л.: Изд-во писателей, 1931; Севернорусские сказки в записях А.И.Никифорова / Изд. подгот. В.Я.Пропп. – М.; Л., 1961; Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. – М.; Л., 1934; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. ст. и коммент. Н.И.Рождественской. – Архангельск, 1941; Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собр. и разработ. Е.В.Гиппиус и З.В.Эвальд / Под общей ред. Е.В.Гиппиус. – Кн. 2. – М.: Гос. муз. изд-во, 1937; Обрядовая поэзия Пинежья / Под ред. Н.И.Савушкиной. – М.: Изд-во МГУ, 1980; Пинежские сказки / Собр. и зап. Г.Я.Симиной. – Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1975.

держке Российского государственного гуманитарного фонда (проект № 98-04-18015). Экспедиция была посвящена сбору материала, который должен будет войти в состав «Пинежского этнодиалектного словаря».

Экспедиция носила комплексный характер: устное творчество записывалось в контексте материальной культуры. Изучение локальных традиций неизбежно приводит к комплексному изучению народной культуры. Участниками экспедиции большое внимание уделялось фиксации семейной и календарной обрядности, демонологии, текстам, включающим в себя магию слова и действия и др.

Всего во время экспедиции было сделано 500 записей текстов различных в жанровом отношении от 30 информантов. Была произведена реконструкция верхнепинежского свадебного и похоронного обрядов, различных календарных праздников: Святки, Крещения, Великого Поста, Пасхи, скотоводческих и окказиональных обрядов, записаны тексты быличек о домовом/модовешюшке, обдерихе/баеннишке; водяных чёртиках, овинище, бороухе, полуднице/волосатке, икоте и др.

Записаны тексты четырех сказок: «Безручка», «Ивашка и ведьма», «Чудесные дети», «Маша и медведь», различные виды заговоров и речевых жанров фольклора.

Бассейн р. Пинеги представляет собою уникальный фольклорно-этнографический регион. Отметим следующие тенденции, характерные для всего локуса Пинежья.

1. Севернорусская народная культура в науке характеризуется как культура вторичной архаики.¹ Культура, которую принесли с собой славяне, ассимилировалась с более архаичной финно-угорской. Кроме того, отдельные жанры и тексты, существовавшие в тех местах, откудашло заселение, на Севере, подверглись диффузии или приобретали другое мелодическое исполнение. Так широко распространенная баллада «Дочка-пташка» получила местную вокализацию.

2. Разрушаются и исчезают эпические жанры. Были записаны всего одна историческая песня «Ой, по дорожке да было по широкой» («Поход на шведскую границу») и три баллады: «Муж-солдат в гостях у жены», «Дочка-пташка» и «Князь Роман жену убил», последняя является местной редакцией известной в XIX в. баллады: Настасье Романовне о смерти матери сообщают серые волки. Слабо представлена некогда очень богатая сказочная эпическая традиция.

3. Пинежский фольклор отличается высокой частотностью форм смеховой культуры. Севернорусская свадьба трагична. Пинежский свадебный обряд содержит большое количество комических приговоров и причитаний. На Пинежье были распространены скоморошныи и корильные песни о деревьях.

¹ Чистов К.В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. — Л.: Наука, 1977. — С. 3-10.

4. Сохраняется классически крестьянский песенный репертуар. Практически отсутствуют городские романсы, получившие сильное распространение на Каргополье и в южных районах области.

5. Очень сильны демонологические традиции. Активно бытуют демонологические рассказы о лешем (мотивы: леший водит в лесу, в няньках у лешего, леший похищает детей, проклятых своими родителями, лешева тропинка); о обдерихах (духах бани), полуночниках (ночных духах, мучающих детей), чуликонах (святочных демонах), домовых (мотивы: домовый мучает скот; в новый дом надо пригласить домового, брошенный домовый начинает мстить и др.). Есть характерные в настоящее время только для Пинеги демонологические рассказы о икотах (икота – дух болезни, вызывающий кликушество), килах (опухолях). В каждой деревне есть «знающие», способные входить в контакт с нечистой силой.

6. Хорошо сохранились обряды жизненного цикла (похоронно-поминальный, свадебный). Произошла рекультивация отдельных скотоводческих и календарных обрядов. Например, в Кевроле, среднем течении реки Пинеги, всей деревней после окончания жатвы исполняется обряд «Бородно», изначально посвященный духу поля. Выпуская домашний скот первый раз на пастбище, хозяйки прогоняют его через различные металлические предметы (топор, нож) или свой пояс; выстригают на спине крестом шерсть, читают специальный заговор.

7. Элементами архаики изобилует картина мира пинежанина. Только на Пинеге нам встретилось почитание Пятницы, восходящее к образу языческой Макоши (в пятницу нельзя бани топить), почитание Девятой и Ильинской Пятницы в Суре.

Местные жители рассказывают о «громовых стрелах», или «чертовых пальцах», которые соотносятся с образом библейского Ильи, а в реконструкции – с образом языческого Перуна. На повседневном и бытовом уровне распространен фольклор магических действий (мылом, которым мыли покойника, моют ребенка, чтоб не плакал; для того, чтобы ребенок не болел, его «продают» через окно первому гостю; чтобы заговоры имели силу, их «правят» в Чистый Четверг и др.).

В качестве апомропея, используются пучьи зубы, вставленные над дверью; шкура козла, повешанная мехом наружу в хлеве; верес, или можжевельник. Магическое значение придается кругу. Вокруг поставленного стога сена, чтобы с ним ничего не случилось, обходит по солнцу со свечой; с этой же целью по кругу со свечой обходят комнаты каждый четверг.

Подведем некоторые итоги. Степень сохранения народной культуры неоднородна на территории Архангельской области. Выделяются микролокальные общности и отдельные арсалы. Традиционная культура лучше сохранилась в районах с затрудненной миграцией: верховьях рек Мезени и Вашки (Лешуконский и Мезенский районы), Пинежье, Зимнем берегу Белого моря и в некоторых других. В районах, где проходят железные и шоссейные дороги, расположенных неподалеку от крупных городских центров, традиционный фольклор разрушается быстрее. Полностью утрачены

эпические былинные традиции, в очень редуцированном виде фиксируются балладная и сказочная традиции. Возник новый нетрадиционный фольклор, складывается фольклор субкультур, различных профессиональных и социальных общностей.

Всего во время экспедиций было сделано более 6000 фольклорно-этнографических записей. Перед лабораторией фольклора стоят эдиционные задачи. Настоящее издание открывает серию публикаций материалов архива.

При публикации текстов нами сохранены некоторые фонетические, морфологические и синтаксические особенности. Эти особенности неустойчивы, так как на диалектную речь уже влияют нормы литературного произношения.

В научный аппарат сборника входят комментарии со списком условных сокращений; словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов. Комментарии составлены по следующему принципу: название, как оно дается информатором или же по первой строке, паспорт текста (место записи и краткие сведения об информаторе), указывается номер коллекции (номер текста в архиве). В разделах «Заговоры» – даются варианты мотивов и формул заговоров; «Несказочная проза» – выделяются основные сюжетные мотивы преданий, быличек и бывальщин; «Сказки» – приводятся номера и названия сюжетов по СУС, соответствующие опубликованным текстам; в разделах «Эпические песни» и «Необрядовые песни» указываются имеющиеся варианты текстов из сборников, составленных из материалов, которые были записаны на территории Архангельской губернии/области; в разделе «Частушки» дается обоснование функционально-генетической классификации, использованной в публикации.

ЗАГОВОРЫ

Лечебные

От грыжи

Господи Боже. Благослави, Отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Есть море-окиян. И в том море-окияне есть белый камень Латырь, высота его шестьдесят сажень, долгота его — шестьдесят сажень. На том камени Латыри стоит хрустальный терем. И в том хрустальном терему стоит злато стул. На том золотом стуле сидит красная девица, подпоясалась золотым поясом, подперлась золотым посохом. «Государыня ты красная девица, дай ты мне, рабу Божью (имя), грыжных слов добрых. Грызёт у раба Божия (имя) золотая грыжа, красная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, подпуловинная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнонная грыжа, суставная грыжа, нутряная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа, ножная грыжа. Грызёт та грыжа ветха месяца и молода месяца, и в перекрыбья месяца; по утренним зорям и по вечерним; по всякой день, по всякой час и по всякое время». И говорит красная девица: «Ой еси ты Грыжа, пошла еми ты, Грыжа, от раба Божия (имя) в пучину щукою; и ты выйди из него (или из нее) и поди к белому камню; буди тамо до скончания века. Доспей себе, Грыжа, в камне гнездо кругло, а не грызи ты у меня, раба Божия (имя), вотчины, ни крови, ни тела, ни кости, ни мозгов. Грызи себя, злая Грыжа, у тридевяти головы, а не ешь ты, злая Грыжа, у раба Божьего (имя) ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов. Грызи себя, злая Грыжа, у тридевяти древ головы, а не ешь ты, злая Грыжа, у меня раба Божия (имя) ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов. Грызи себя, злая Грыжа, у тридевяти рек головы, а не ешь ты, злая Грыжа, у меня, раба Божия (имя), ни крови, ни тела, ни костей, ни мозгов. Грызи себе, злая Грыжа, горькое дерево осину, а не ешь ты, злая Грыжа, у раба Божия (имя) ни крови, ни тела, ни костей, ни моз-

гов отныне и до века, и до гробной доски: в день и в ночь, повсякой час». Спаси, Пречистая Богородица, святой Господь, Козьма и Демьян, — и предстаньте, государи, в помощь к семи нашему делу. Которое слово не вырвано, то было бы вставлено; которое слово наперед, то было назади; кое слово назади, то б было наперед. Чтоб не было больше мастера меня, раба Божия (имя), ко мне, рабу Божию (имя), от востоку и до западу, от юга и до севера, и мне, рабу Божию (имя), на здравие, души моей на спасение, болезни моей на исцеление, словам моим на прибыль — до умертвия тела моего. Во веки веков. Аминь. (Говорить трижды на сало, мазать против того места, где грызет.)

От порчи

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану я, раб Божий (имя), благославясь, пойду перекрестясь из избы дверями, из двора воротами, пойду в чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Егорью Храброму; облаком оболочусь, утренней зарей подпояшусь, молодым месяцем затянусь, частыми звездами затычуся от призоров, от порчи, от прикосов, от уросливого человека, от прикосливого человека, от черного, от черемного, от русого, от белого, от черноноглаза, от сероглаза, от белоглаза, от черноплота, от сероплота, от белоплота, от одножёна, от двоежёна, от однозуба, от двоезуба и от троезуба, и от колдуна, и от колдуньи, от бедуньи, и от всяких злыя, лихия и от своей жены, и от чужия, и от своего человека, и от чужого, от сутулого и от горбатого, наперед проклятого, от старца, от старицы, от чернеца, от черницы и от попа, и от дьякона, и от пономаря, и от всего крылоса, и от девки-простоволоски, и от бабы-белоголовки, на дороге встреченного, постигающего, засматривающего, завидящего. Злому и лихому, порченику, уроченику, всякому рожденному человеку — мякина в глаз, железна спица в гузно, уресвянный камень в зубы — злому и лихому, порченику и уроченику.

Хозяйственные

Для удачи на охоте

Зайцы белы, яры, Божьи звери, черноухие, короткохвостые, собирайтесь к рабу Божию (имя) на удачный промысел со всех четырех сторон, из двенадцати ветров, пейте, ешьте и веселитесь, осиново прутье сторожевое; пейте, ешьте и веселитесь по всяк

день, по всяк час безотпяточно, безоглядно. Которые слова забытые, обидушие, будьте, мои слова, все сполна переговорены, по всяк день, по всяк час, безотпяточно, безоглядно. Век повеку, отныне и до веку. Аминь.

На лечение скота

Встану я, раб Божий (имя), благославясь и перекрестясь, выйду я в чистое поле, под красное солнце на окиян-море. На окиян-море стоит Божья церковь. В Божьей церкви – злат престол. За златым престолом сам Господь, Иисус Христос, сидит и отчитывает семьдесят четыре болезни. И берет сам Господь, сам Иисус Христос, три прута железные и бьет корову (назвать имя скотины, род и цвет шерсти), и убивает семьдесят четыре скорби, семьдесят четыре болезни, семьдесят четыре ногтя: костовой, мозговой, выпрягальный, запрягальный, тирукольный, купальный. Что не договорил, переговорил, – то впереди слово будет. У безымянного перста имя нег, имя не было и не будет. Веки повеки, отныне и до века. Аминь.

Воннский

Заговор от ратных орудий

Есть дерево железное, есть царь железный. И тот царь имеет власть, и защищает от всякого железа меня, раба Божия (имя), от сабли и копья, и от меди, и от рогатины, и от топора, и от ножов, и от всяких детели приплодных. Помилуй, Господи, нас, истинный Христос, царь славы небесной, меня, раба Божия (имя): роса буди о всякое железо. Поведи, царь, стрелы прочь от меня, раба Божия (имя), во всякое дерево и железо, илей – в рыбу, а рыба – в море, а перья – в птицу, а птица – в небо, полети от меня, раба Божия (имя), всякое железо и всякие стрелы, и рогатины, и копья, и сабли, и кинжалы, и топоры – прочь от меня, раба Божия (имя). Ныне и присно, во веки веков. Аминь.

Любовный

Присущный заговор

Выйду раба Божия (имя) в сени, потом в чистое поле и помолюсь Пресвятой Богородице, и погляжу во все четыре стороны, и помолюсь самому Господу: «Господи, Господи, Господи и Мать

Пресвятая Богородица». И попрошу: «Потяните, ветры буйные, и разнесите мою тоску-кручину со белого тела, со ретивого сердца и ясных очей. Нанесите мою тоску-кручину на раба Божьего (имя) во ясные очи, черныя брови и белое лицо, на ретивое сердце, чтобы на денную печаль и на ночную тоску и чтобы не мог ни есть, ни спать и все думал бы о рабе Божией (имя), и чтобы всё ходил и кликал, как белый лебедь, и думал о рабе Божией (имя). Будьте слова мои крепки и емки. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Заговор детства

От тишины у младенца

Встану я, раб Божий (имя), благославясь, перекрестясь, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, под красное солнце, под светлый месяц, под черные облака: есть у меня, раба Божия (имя), в чистом поле окиян-море, на том окиян-море стоит злат остров, на злате острове стоит престол, на злате престоле стоит Мать Пресвятая Богородица, с синяя моря пену сдувает и смахивает — смахни с раба Божия (имя) двенадцать тишин, двенадцать камчужищев, двенадцать недужищев: двенадцать жировых, костовых, комовых, жильных и полужильных. Ключи, замки — в воду, огонь — в гору. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. (Прочитать этот заговор трижды).

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ЧЕЛОВЕКА

Похоронно-поминальная обрядность

Пинежский похоронный обряд традиционно состоит из трех этапов: подготовки к смерти, собственно похорон и поминок. К смерти начинают готовиться заранее: собирают одежду, которую предстоит надеть в случае смерти (ее называют «умершим» платьем).

В каждой деревне есть опытные, ритуально значимые женщины, которых постоянно приглашают обмывать покойников. Они должны быть безмужними: вдовами или же не состоять в браке.

Гроб (домовину) ставят так, чтоб покойник, лежал головой в красный угол, а ногами – к порогу. Умершему под голову кладется подушка, на которой он спал. В доме завешиваются окна и зеркала. Пока покойник находится в доме, никому из его родственников не разрешается мыться в бане.

Севернорусский похоронный обряд отличается развитой традицией причитания. На разных этапах обряда звучат разные виды причитаний.

В доме около гроба к умершему обращаются с плачем-вопросением:

Причитание по покойнику (по свекрови)

*Уж и богоданная моя да матушка,
Уж и дорога ты моя да свекровушка,
Уж и Анна Антипишна!
Уж да я пришла к тебе да приехала –
Уж ты не вышла да на крылечушко,
Уж и не брякнуло да колечушко,
Уж и не подала ты мне руку да правую,
Уж и не приветила да словом ласковым.
Уж и лежишь-то ты вдоль половицы,
Уж и не по-старому, маменька, да не по-прежнему.
Уж и не сама-то ты, маменька, одевалася,
Уж и снарядили тебя да добры люди,*

Уж и спорядовны тебя да соседи,
 Уж и вдоль лавки навалили,
 Уж и ручки к сердечку, мамонька, да приложили.
 Уж и находились, мамонька, твои ножечки,
 Уж и по сырой-то по земелюшке,
 Уж и натоптались они да муравой травы,
 Уж-то насгибали они цветов лазоревых,
 Уж и наработались, мамонька, да твои ручушки,
 Уж они все у тебя делали,
 Уж кажну работушку умели.
 Уж тебе много, мамонька, да доставалось,
 Уж и тебя болезни да подкосили.
 Уж тебе цело большо, мамонька, да снасибо.
 Уж как дочь меня привечала,
 Уж как дочку меня да принимала.

Перед выносом из дома гроб поднимают, и под ним проходят все родственники умершего. Для того чтобы покойник «не взял» с собой кого-то из близких, «закрывают дорогу смерти», поэтому после выноса гроба перед родственниками прикрывают двери. Гроб (домовину) ставят около дома, чтоб умерший мог с ним проститься, и только после этого несут на кладбище.

В доме остается кто-нибудь из знакомых женщин, чаще соседки, которые моют полы и топят печь. Пол моют только в одну сторону и каждую половицу домывают до конца.

После того, как гроб начнут засыпать землей, кто-то из очень близких покойнику людей может броситься в могилу и причитать в ней. Текст причитания маркируется как надмогильный:

Уж и накатись ты, туча грозна,
 Уж туча грозна да непорозна,
 Уж с дождями да и с громами,
 Уж с трескучима ты молоньями,
 Уж вы повейте-ко, да ветры буйны,
 Уж разнесите-ко пески выбучи,
 Уж расступись-ко ты, да мать-сыра земля,
 Уж расколись-ко, да гробова доска,
 Уж ты откройся-ко, да покрывалушко,
 Уж ты откинься-ко, да права ручушка,
 Уж вы откритесь-ко, да очи ясные,
 Уж разомкнитесь-ко, уста сахарные,
 Уж скажи-ко мне, да родима мамонька,
 Уж мне как без тебя обживатьсь-то?
 Уж как мне по миру да скитаться?

Причитания могут исполняться как индивидуально, так и коллективно. Когда могила уже готова, все родственники обходят вокруг нее со словами: «Мы к тебе будем ходить, а ты не ходи к нам».

После возвращения с кладбища участники похорон подходят к печи и обращаются к ней: «Печка-матушка, прими мою тоску-печаль». Поминальная трапеза проходит в доме покойного. Во время нее подают строго определенное количество блюд (перемен). Обязательно варят суп, готовят редьку с квасом, пекут блины и калитки (сочни круглой формы с крупой), в конце обеда подают кашу и кисель-выгон. Покойнику наливается отдельная рюмка, которая затем ставится в красный угол до сорокового дня, на сороковой день ее выпивает крестник покойного. Красный угол украшается полотенцем: считается, что до сорокового дня душа покойного вытирается им. На второй день после похорон топят баню и моются, чтоб «печаль смыть».

До сорокового дня на кладбище ходят каждый день. Поминальные трапезы делают на девятый, двадцатый и сороковой дни. На девятый и двадцатый дни на могиле устраивается коллективная надмогильная причеть: покойника спрашивают, хорошо ли его похоронили. На сороковой день основной мотив причитания: куда определена душа умершего.

Поминки проходят на полгода и на годовщину смерти, или годины. Траур носят в течение года, а в годовщину смерти надевают белый платок.

Магическими свойствами наделяются предметы, соприкасавшиеся с умершим. Одежда, в которой скончался умерший, становится апотропеем: ее кусочек носят в качестве оберега или же ею обливаются, иногда отдают сиротам. Мылом и водой, которыми обмывали покойника, моют ребенка, чтоб не плакал, и вымя коровы, чтоб не болела.

Свадебная обрядность

Мезенская свадьба имела трехчленную структуру. Каждому периоду соответствовали свои этапы и жанры.

Предсвадебный цикл начинался со сватовства. Невеста во время сватовства пряталась. Отец, если был согласен, то подавал сватам правую руку. После этого девушка в течение недели «невестилась». Все это время в доме невесты проходили вечера, посидки, где невеста вместе с девушками-подружками готовила себе приданое: шила, плела кружева, вышивала.

Севернорусская свадьба трагична. В течение всего предсвадебного цикла невеста причитала. Причитания назывались невестины плаксы. Она причитала:

*Как во вчерашний денечек поднималась да туча грозная,
Как из той-то грозной тученьки вылетела громовая стрела.
Она крышу скрыла тесницыну, потолоку да потолочину.
Залетела громовая стрела в нашу светлу светлицу.
Уж как я, бела лебедушка, все тудилась да пряталась
За родимого-то папеньку, за родиму-то матушку,
Не защитил-то родный папенька, не защитила-то родна маменька,
Залетела да громовая стрела в меня, беду лебедушку:
Расколола да ретиво сердце на две половиночки,
И мне вовеки его не собрати-то.
Они отдали меня да и прохватали — надоела я им, видно, наскучила,
Окошечка им проглядела, у дверей ступеньки перетерла,
Они отдали да прохватали — разорили да девью красоту мою.*

Каждый этап свадьбы наполнялся соответствующей песенной традицией. В течение всей недели на поседках девушки пели «Я ходил в торги»:

*Я ходил в торги да закупал шелки,
Разны разные шелки да семишёлковые.
Уж я плёл колыбель да из семи шелков да семишёлковых,
Я повешу колыбелюшку на улочку,
Я на улицу повешу на дорожечку,
На дорожечку повешу на проезжую.
-- А вы качните колыбелюшку повыше вверх,
Чтобы мне увидеть свою суженую,
Чтобы мне увидеть свою ряженую.
Где же моя суженая посуживает,
Где же моя суженая поряживает?
Она шёлком шьет да жемчугом садит,
С руки на руку колечко перекидывает,
Она сама из речей выговаривает:
-- Водюю, водюю ли по двору прошла,
Павою ле, павою во двор зашла,
А на красно крыльцо взлетела перепёлышкой,
По новым сенюшкам — да красной девушкой,
А во горницу зашла да молодницею,
А к богосуженному — да молодой женой.*

На поседках девушки ругали свата (сватовщика) — ему исполнили корильную песню:

Он ходил все нахаживал
 Да хоботами лисичьими,
 Да ускоками волчьими,
 Да хвалил всё нахваливал,
 Что чужа дальня стóрона
 Она медом полívана,
 Да черносливом обóижена,
 Не жила, дак не ведала,
 Пожила, дак спроведала,
 Что чужа дальня стóрона
 Горькой редькой обсажена,
 Да слезами всполивана.

Отцом назначался день рукобитья – первой официальной встречи жениха и невесты. На рукобитье жених приезжал с братом и сватом. Устраивалось обрядовое угощение, которое начиналось и заканчивалось молитвой. Невеста, сидя за столом, причитала. Подружки спрашивали ее: «Что ты стоишь, не смеешься, не радуешься?» Она отвечала им:

Не над чем смеяться, нечему радоваться:
 Мне сегодня мало спалось – мне привиделось:
 Стоит пустая хоромина – углы прочь отвалились,
 На печице котиче лежит,
 По полу ходит пúсьня, на лавочках сидят ласточки,
 На окошечках – голуби,
 А в новой горнице – ясён сокол.
 А сама я знаю-ведаю про этот сон:
 Пустая хоромина – чужая сторона,
 Углы прочь отвалилися – это отец да матерь отступилися,
 На печице котиче лежит – это мой свекор-батюшка,
 По полу ходит пúсьня – то свекровка-матушка,
 По лавочкам ласточки – то золовушка, по окошечкам голуби – деверья,
 А в новой горнице ясён сокол – это мой суженый.

После чаепития отец вел невесту на посадку, которая проходила в другой комнате. Жених приходил позднее. Отец вводил невесту в комнату, где уже ее ждали подружки. Все места были заняты, невесту не пускали. Она причитала:

Девушки белые лебедушки, дайте мне место,
 Дайте мне угол передний,
 А уж вы да пожалели угла переднего.

Подруги расстунались и сажали невесту в простенок. Приходил жених и брал ее за руку. Участники посадки начинали водить хо-

роводы и петь песни. Жених с невестой ходили вначале отдельно — от лавки до порога. Перед уходом жених делал невесте подарок и целовал ее, после чего она выходила на поветь и начинала причитывать:

*Нагстели да ясны соколы, как добры молодцы,
Пристыдили меня прибесчестили при родных-то они родимых,
При девицах-то при красных да добрых молодцах.*

В последний день перед свадьбой была невестина баня, во время которой она прощалась со своей девьей красотой. Ритуал имел название «горяче». Невеста обращалась к подружкам:

*Уж вы, подруженьки, сделайте да уваженьице,
Вы сходите да истопите пёрну банюшку, девью да последнюю.*

Они ей отвечали:

*Уж мы станем, белые лебедушки,
На ювы сени дубовы, на перекладинки тесовы.
Мы возьмем-то за скобу, отворим-то за ляму.
Уж мы станем, да белые лебедушки,
Да прямо в руки да родной маменьки.
Раздвиньтесь да, люди добрые,
Да дайте дороженьку невесте да княгине первобрачной,
— Что ты, беда наша лебедушка, мы сделали тебе велико уваженьице —
Истопили да парну баньку.
Ты пойдем с нами помыться как во девичью да во последнюю.*

Невеста звала родителей и просила благословения. Сестра невесты и подруги расплетали ей косу и вместо одной косы заплетали две и после этого покрывали шелковым платком. Невеста плачет:

*Ты родима моя сестрица, не расплетай мне русу косоньку,
Да не расплетай девью красоту.*

Невеста выходила из бани, садилась на дольную лавку, причитала. Подружки отвечали ей:

*Уж мы сделали уваженьице, мы сходили в пёрну баньку.
Уж мы, белые лебедушки, вышли на белу улицу,
Подхватили да ветры буйные со четырех сторон,
Размахнули да руки белые, унесли девью красоту
Как за реченьку быструю, песочки рассыпчатые,
Леса темные, ручьи светлые, во широкое поле.
Во широком-то поле стоит березонька,
На верхушке этой березы сидит девья красота.
Она сидит да улыбается — добра молодца дожидается.
Уж ты попроси родима братушка,
Чтоб запряг он копей езжалых,
Взял извозчиков мудрёных, наточил ножи булатные,*

*Они срубили бы березоньку, схватили бы девью красоту
Да привезли тебе, белой лебедушке.*

Невеста обращалась к брату:

*Ой ты съезди, брат родимый, в леса темные и привези мою красоту –
Моя красота на лесной березе да на верхушке.
Ты сруби ее да привези мне.*

После бани, где проходило прощание с девьей красотой, родители невесты делали «баянный обед». В день свадьбы невесту будила мать – невеста причитала ей. Первыми в доме невесты появлялись дружки. Подруги просили у них за нее выкуп:

*Наша невеста нехрома, некрива, неуродлива,
Наша невеста не медных денег стоит, а золотых.*

Дружки откупались подарками. Подружки прикрепляли им банты, стараясь сделать при этом как можно больше. После этого дружки уже возвращались вместе с остальным свадебным поездом. В доме невесты проходил «малый стол», или «малый княжий пир». Первой во время «малого стола» исполнялась песня «Во январе, во первом месяце». Ею же во время «княжьего стола» парням припевали девушек.

Начало каждого комплекса действий во время свадебной обрядности маркировалась определенной песней. Когда новобрачные ехали к венцу, пелась – «Отставала лебедушка», перед самым венцом – «Что ты, что ты, синё море?», после приезда в дом жениха – «Что во горнице во новой».

Родители жениха благославляли молодых и осыпали их житом (ячменем). Начинался большой «княжий стол». Во время него исполнялись величальные песни гостям (тысяцкому, вдове, дружкам и др.). У невесты на свадьбе обязательно была крестная (божатка), у жениха – крестный, которые сидели рядом с молодыми. Во время свадебного пира гости старались украсть невесту – божатка охраняла ее и если невеста была украдена, то выкупала ее. Отводила спать молодых в первую брачную ночь божатка.

Послесвадебный цикл длился два дня. На следующий день после «княжьего стола» в доме жениха собирались самые близкие гости – родственники жениха и невесты.

Рекрутская обрядность

К рекруту (некруту) в деревне было особое отношение. Ему разрешалась большая свобода поведения, чем это было принято. Рекруты гуляли: катались на лошадях, пели под гармонь песни.

Мужчин, которых не брали в армию по состоянию здоровья, в деревне называли негодяями.

Ядром рекрутского обряда была праздничная трапеза, продолжавшаяся в течение двух дней. На трапезу, или простины, приглашались родственники, соседи и, в первую очередь, крестный отец рекрута. В празднике не разрешалось участвовать девушкам — они могли присутствовать только в роли подпорожниц. Родители рекрута угощали гостей и за стол не садились. Руководил трапезой столыжник, которого выбирали из гостей. Рекрута сажали в красный угол. Слева от него садились родственницы-женщины, справа — мужчины, в зависимости от степени родства.

Считалось, что во время обряда могли происходить различные порчи или сглазы. Для того чтобы участников ритуала не испортили, на углы стола и в углы передней избы клали зерна жита (ячменя). Зерно имело охранительное и продуцирующее значение. Первая рюмка подносилась рекруту. Он выпивал ее стоя и благодарил родителей. Во время трапезы подавались строго определенные блюда, или перемены. Стол в основном был рыбным. Первой подавалась жареная треска, за нею — блюда из другой рыбы: хариуса, щуки, подъязка. Заканчивала рыбный стол царская рыба семга или же сиг. После рыбы обязательно подавалось мясо, и последней была каша (кашница) и кисель-выгон. На праздник обязательно варилось пиво.

Во время обряда исполнялись ритуальные песни. Петь начинали подпорожницы. Первой исполняли песню «Ой, по дорожечке да было по широкой»:

Ой, по дорожечке да было по широкой,

Ой, тут и шла-прошла да силушка-армия,

Сила-армия да конна гвардия.

Да три было полка солдат,

Три полка солдат да молодых ребят,

Все были молодые да были безбородые,

Да все были со ружьями,

Ой, ружья светлые да замки крепкие.

Ой, впереди полка да знамена несут,

Знамена несут да барабаны бьют.

Ой, ружья сбрыкали — солдатушки всплакали,

Солдаты всплакали да сами во поход пошли,

Во поход пошли, ой, да во дорожечку,

Во дорожечку да, ой, не во дальнюю,

Не во дальнюю да, ой, во печальную.

— Ой, братцы-молодцы,

Да где мы будем день дневать?
 Ой, где нам день дневать
 Да ноченьку ночевать, темную проводить?
 Ой, во сыром бору, во темном лесу,
 Всё было под сосенкой,
 Было под кудрявою, было под журавую.
 Мать-сыра земля – то наша постелюшка,
 Зло кореньице – то наше изголовьице,
 Ветры буйные – то наше одеяльшко,
 Утренняя роса – то наше умываньице,
 Шелковá трава – то наше утираньице,
 Красно солнышко – да то родима матушка,
 Ой, как светел месяц – то родимый батюшка,
 Ой, звезды светлые – да то наши сестричушки,
 Ой, дожди частые да то наши брательнички.

Следующей пелась – «Мимо Питера да мимо Москвы» (один из вариантов баллады «Муж-солдат в гостях у жены»), и обязательным было исполнение песни «Как по первому по Невскому было проспекту»:

Как по первому по Невскому было проспекту,
 Ой, по второму Николаевскому было мосту.
 Тут и шли-прошли рекруты молодые.
 За ними же идут матери-отцы родные,
 Возле ручку идут девушки, жены молодые,
 Во слезах пути-дорожечки они не видят,
 Во рыданьице словечушка не промолвят.
 Да тут спроговорил-спромолвил да лекрутишка:
 «Вы не плачьте, наши матери, отцы родные,
 Не рыдайте, наши девушки, жёны молодые.
 Вам не выходить всего свету да за нами,
 Не смочить сырой земли будет да слезами,
 Не наполнить сине море да горючими.
 Наполняется сине море да не вами,
 Что не вами да не вашими слезами.
 Наполняют сине море быстры реки,
 Быстры реки наполняют ручеечки.
 Ни отец его, ни мать провожают,
 Провожают лекрутишка чужи люди,
 Чужи люди – спорядовные да суседи».
 Одна девушка подальше проводила,
 Во слезах она словечушко обронила:
 «Дай же, Господи, дружку моему возвратиться
 Да на мне, на бедной девушке, жениться!»

В конце трапезы, когда заканчивалось обрядовое угощение и было съедено последнее блюдо – каша, гости начинали собирать деньги для рекрута, которые клали в пустые от каши чашки и отдавали столынику. Первым клал деньги крестный отец рекрута. Собранные деньги («последний заработок») рекрут отдавал матери. Мать рекрута причитала:

*Ой горька-то горюшица, уж и кругла-то сиротинушка,
 Уж и сяду на передню лавицу, ко косящету да окошечку,
 Уж и ко ясному да соколочку, уж я ко милому-то да сыночку.
 Уж я прижмуся да притулюся ко родимому-то да ко плечуку.
 – Уж ты, сизой да голубочек, уж мой миленькой да сыночек,
 Уж я растила тебя да лелеяла, молоком своим да вскормила,
 До ума-разума да доводила, на тебя ли я да надеялась,
 Что под старость да будут хлебушки,
 Мне опоруха да надеюшка.
 Да не думала, не гадала я, что расстаться нам да приходится,
 Провожать тебя да в путь-дороженьку,
 В путь-дороженьку да все во дальнюю,
 Уж во дальнюю да во печальную, что во службу да государеву.
 Там шинелюшку да наденут на твои плечи да могушные,
 А ружье в руки тебе вложится,
 Командиры, быват, да будут строгие.
 Уж я этого да не увижу, твоего голоса да не услышу
 За горами да за долами, за дремучими да лесами.
 Уж ты подай-ко да мне весточку, напиши-ко да мне грамотку.*

На второй день проводов мать собирала котомку рекруту, в которую клали щепотку земли из-под дома (из-под «окладного»), старшие родственницы-женщины читали воинский заговор от пуль, обращенный к Михаилу Архангелу. Одевал рекрута в дорогу и отдавал ему котомку крестный отец.

Напротив печи клали овечью шкуру, вывернутую мехом кверху, на нее ставили на колени рекрута и благославляли его хлебом-солью и иконой Николая Угодника, завернутыми в полотенце. Гости прощались с рекрутом за руку, в которой были деньги, считали, что голой рукой прощаться – к несчастью.

В последний момент рекрут вместе с отцом обходил дом и приглашал с собой домового: «Дедушко-богаданушко, пойдем со мной в армию служить»; заглядывал в печь. Отец трижды говорил: «До печи печаль» и клал сыну в карман кусочек печной штукатурки. Рекрута провожали за деревню. Трапеза продолжалась, но в ней принимали участие самые близкие гости.

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Обряд окончания жатвы

Праздник, связанный с окончанием жатвы, назывался бородно. Ареал его распространения – бассейн р.Пинеги, в полном и разработанном виде обряд сохранился в ее среднем и нижнем течении; в редуцированном виде – в верхнем течении.

Бородно имеет два значения:

- 1) праздничная трапеза, посвященная окончанию жатвы;
- 2) трапеза, которую делали первый раз в молодой семье после окончания жатвы.

Обряд состоит из двух этапов: изготовления «бороды» и праздничной трапезы – бородного.

«Борода» – последний сноп жита, который перевивают жгутом жницы – участницы обряда. При изготовлении «бороды» они встают в круг по месту проживания (чаще «по околкам» – частям деревни).

После изготовления «бороды» хозяйка обращается к жницам со словами:

*«Спасибо, жнеюшки,
Сожали нивушку,
Гибкими спямими,
Белыми руками,
Вострыми серпами.
В пряди нажали:
Прядь – на семена,
Прядь – на продажу,
Прядь – для запасу».*

Хозяйка подает всем участникам обряда по стопке вина. После этого жницы просят разрешения «бороду вить» и исполняют ритуальную песню, связанную с обрядом изготовления «бороды» каждому члену семьи, которой принадлежит поле, по старшинству:

*«Уж мы вьем бороду,
Завиваем бороду,
У Раисы на поле,*

*Да у Артемьевы на широком,
Да на нивы на великая,
Да на полосы на широкая».*

Заключительный этап обряда – праздничная трапеза – бородно, которая проходила в доме хозяев поля. На неё варилась обрядовая каша из ячневой крупы – мусня, жидкая каша называлась мусёнка.

«Борода» имеет еще одно значение, которое связано с окончанием сенокоса. «Борода» – это клок сена, который привязывается к самой высокой жерди в остожье и наделяется апотронейными свойствами. После изготовления «бороды» вокруг стога сена обходят по солнцу.

Святочная обрядность Верхней Пинеги

Из всех календарных славянских праздников Святки отличает насыщенность магическими обрядами, гаданиями и различного рода запретами. Святки начинались с Рождественского сочельника (24.12/6.01) и заканчивались Крещением (6.01/19.01). Начало Святко приходилось на день зимнего солнцестояния.

Деревенская молодежь бывшей Сурской волости во время Святко собиралась на игрища, избы для которых откупились парнями. Подростки собирались на маленькие игрища. Во время святочных вечеров играли в «Чижика-Пыжика», «Со вьюном хожу», «Просо сеяли», «Со святой воды вскочила», «Люб ли сосед?». Большинство из этих игр следует рассматривать в ракурсе космосоциальных половозрастных процессов.

Во время Святко были распространены рождественские обходы со звездой, идентифицирующиеся по своей функциональной значимости с колядованием. Звезду вставляли в обруч, обвешивали картинками религиозного содержания. Во время обходов исполняли богослужебные тексты: тропарь и кондак праздника Рождества. За их исполнение хозяева одаривали житниками и деньгами.

Как и в других локальных традициях, существовало святочное ряжение (чаще рядились конем, медведем), ряженные одевали маски из марли; были распространены святочные бесчинства: кудесили парни девушкам, а девушки парням. К святочным бесчинствам относятся следующие действия: рассыпание поленниц дров, примораживание дверей, опускание в трубу различных предметов, привязывание ниток к окнам и дверям и пугание шумом.

«В Святки ходили-колядовали. Гусем наряжалась, шубу выворачивала, в рукав палку, которая клюёт. Лицо марлей закрывала. Ни один раз за ночь переодевались. Мужиками одевались.

Надоедали: в трубу перо на нитке опускаю, печка не тяне. Дратвы делали — вполот в окно, и она скрипит. Ворота примораживали — снегу накладывают, водой поливают, чтоб не открыть. Кряж поставят в ворота, откroёшь — он на тебя. Рубили прорубь-иордан — надо искупаться, вроде, согрешили, как ряженым сходил».

Нами зафиксированы описания «покойницких» игр, которые исполнялись не только на игрищах, но и во время обхода домов. Человека, который играл роль покойника, заворачивали в простыню, клали на подсанки, использующиеся в домашнем хозяйстве, и возили по домам.

В материалах экспедиции находится описание различных святочных гаданий. Святочные гадания происходили в хлеве, бане, на перекрестках дорог и других, как считалось, местах обитания нечистой силы. Обрядовой едой, как и в другие праздники, являлись калитки. «На Святки пекут шаньги, сочники, калитки, пили пиво. Кудесили: стаскивали с холма кресло (сани). Гадали: «пололи снег». Накладут в подол снега, накладут и приговаривают: «Полю-полю росу, девичью красу, где суженый мой, там, собачка, взвой.»

Были игрища. На игрища ходили в поле, на улицу. Рядились в людей и зверей. Лицо тряпками закрывали, делали маски из медвежьей почки. Были большие для взрослых игрища и малые. На игрищах пели песенку:

*«У медведя на бору
Грибы-ягоды беру.
А медведь, как увидал,
И за нами побежал.»* —

и все разбегались. Ряженный в медведя гонялся за всеми».

«Были и игрища: молодежь откупала избу за дрова или деньги: игрища «на квартире». Молодежь собиралась, песни пела, играла и наряжалась. Играли «По-за городу царевна».

В канун праздника молодежь дралась между собой, между концами деревни».

«Были для больших и маленьких игрища. На игрищах парень обрывал нитку на прялке у девки, за которой ухаживал. Если он люб был, то она его всего ниткой обвязывала».

Собращные материалы показывают, что святочная обрядность Верхней Пинеги во многом традиционна и в то же время имеет свои локальные особенности.

КАЛЕНДАРНАЯ ПОЭЗИЯ

Виноградье

Исполнялось в Святки, начиная с Рождества, во время обрядового обхода дворов. Виноградье посвящено девушке-невесте и называется «холостым», или «девьим».

*Не во далецем далеко,
 Во чистом было поле,
 Виноградье красно-зелёное.
 Что еще того подальше во раздольице,
 Что на ровеньком местечке, на скатёрточке,
 Тут стоял-постоял бел полотняной шатер да полубархатной,
 Что во этом во патре столы дубовы стоят,
 Столы дубовы стоят да ножки точёные,
 Ножки точеные, позолоченные,
 Что за этима столами сидит девушки-душа,
 Сидит девушки-душа да (имя) госпожа,
 (Имя) госпожа да (отчество) душа,
 Она шила-вышивала тонко бело полотно,
 Тонко бело полотенце, во четыре во угла,
 Первый угол вышивала – красно солнце с маревами,
 Красно солнце с маревами, со буйными со ветрами,
 Второй угол вышивала – светел месяц со лунами,
 Светел месяц со лунами, со частыми со звездами,
 Третий угол вышивала – тёмны лесы со горами,
 Тёмны лесы со горами, со лютыми со зверями.
 Как четвертый вышивала – сине море с кораблями,
 Сине море с кораблями, с корабельщиками,
 На серёдки вышивала всю Россию со людьми,
 Всю Россию со людьми, со Божьими со церквами,
 Со Божьими со церквами, со попами, со дьяками,
 Со попами, со дьяками, со причастничками,
 А тут и шел-прошел удалой молодец.
 А по имени (имя) да отчеству (отчество),
 Он лисицами-куницами обвешался,*

¹ Припев «Виноградье красно-зелёное» повторяется после каждой строки.

Он черным бобром подпоясался,
 Он вострым копьём подпирается,
 Небылыми словесами похвалится:
 «Кабы был, кабы был на другой стороне,
 На другой стороне, на желтом песку,
 На желтом песку, на крутом берегу,
 Я разбил бы, растоптал да бел полотняной шатер,
 Бел полотняной шатер полубархатной,
 Я растепил-рассмеял бы красну девицу-душу,
 Красну девицу-душу да (имя) госпожу,
 Я бы взял бы ее за правяю за руку, за правую за руку,
 За златен перстень,
 Я повел бы ее во Божью церковь,
 Там закон Божий примать да чуден крест целовать,
 Чуден крест целовать да со свангелием».
 Как хозяин во дому, как Адам во раю,
 А хозяйка во дому, как оладья на меду,
 Малые детки во дому, как епрёнки на меду,
 А как свекр на печи, как собака на цепи,
 Как свекровка на палатях, как корова на канате,
 Ты, хозяин, господам приразделайся добром,
 Приразделайся добром – принеси вина ведром,
 Принеси вина ведром, кати пиво лагуном.
 Нам по рюмочки винца да по стакашку пивца,
 По стакашку пивца, на закуску – калача,
 На закуску калача – на забаву девицам.
 Мною царствует хозяин со хозяйюшкою,
 Да со нами малодцами-христославцами,
 С праздником, господин-хозяин и хозяйюшка!

С конца до конца – до Егория-молодца

(святочное пародийное опевание)

С конца до конца – до Егория-молодца,
 У Егора полотуха – его жена-принятуха.
 С конца до конца – до Павла-молодца,
 У Павла-то плетень – полна изба детей,
 С конца до конца – до Степана-молодца,
 У Степана-то ворота – за ним жёнке-то дремота.
 С конца до конца – до Ивана-молодца,
 У Ивана-то ведро – жёнка выскочит бодро, пойдет хорошо.
 С конца до конца – до Семёна-молодца,
 У Семёна-то мила с одной улицы брана, в речей введена.
 С конца до конца – до Андрея-молодца,
 У Андрея бурундук дан и другой Андрей с женой плачет.
 С конца до конца – до Александра-молодца,
 У Александра-то лагун – за ним жёнка-говорун.

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

Былички

Колдовство, порча

Как злой человек ружье испортил

Был на болоте злой человек. А есть у меня друг Вальков Василий, охотился он по речке Юле с собакой. Повстречался с тем человеком, а тот ему предложил собаками обменяться. Вальков говорит: «У меня молодая собака, на белок ходит». А тот отвечает: «Не сменяешь – так все равно потеряешь». Всё. Вальков пошел на охоту – собака как в воду канула. Нету, нету и не ночевала. Кто убил или увез, или куда ушла? Надо сделать, чтобы пришла. Слово надо волшебное. Пошёл.

А девка у него была, ходил на свидание за пятьдесят километров, ну сколько бы ни было. Пришел туда, к тестю, еще не женился, а только гулял. «Что, – говорит, – Василий, у тебя за беда случилась?». Тот рассказал. Тесть поводил свечкой под ружьём. «И ружьё, – говорит, – тебе испортил. Иди, – говорит, – истопи каменку в избушке. Кто бы ни пришел, ни слова с ним не говори. Он с тобой прощаться будет. Ни слова. Ты с ним молчи. А если простишь его, да скажешь слово – и сам подохнешь. Знай, не забывай, как тебя зовут».

Вальков пришел, истопил каменку, и тот пришел. Прощения просит всяко: «Приехал я домой, да заболел, прости меня, Василий!» Василий ни слова. Сел тот в лодку и ушел в Кушкополу, Кевролу, не знаю. Кушкополу, наверное. Домой приехал. Три дня только жил.

Домовой

Как домовый скот обижает

Бывает, овцы бегают по хлену и подстилку так спугают, навьют, что не могут ногу выволочить. Тогда говорят, что домовый их обижает.

Бывает, что входят в хлев, а корова или другая скотина вся мокрая, а у коней вся грива завита, вся в космах. Говорят, что домовой скотину не любит, обижает.

Леший

Леший уводит отданных ему неосторожным словом

Я слышала: девочка потерялась — ушла из дома. Говорят, мать ее ругнула нехорошим словом: «Поди к черту» или «Поди к лешему». Девочка и потерялась. Ищут-ищут девочку, найти не могут. Говорят, кто-то посоветовал сослужить молебен. Заказали молебен — девочка и пришла. Пришла и говорит:

— Тятенька, я тебя видела, ты на повети сено смётывал. А ты меня, наверное, не видел?

— А где ты была да чем питалась?

— А меня дедушка кормил. Он меня за реку перенёс на себе. Так и перелетели Пинегу.

Баенник

Баенник учит играть на гармонии

Один человек хотел научиться играть на гармонии. Ему посоветовали идти в баню. Он пришел в баню, сел, поставил перед собою большое зеркало и, смотря в него, стал наигрывать на гармонии. Вдруг открывается дверь и в баню входит молодой красивый парень, спрашивает у мужика: «Хочешь научиться играть на гармонии?» Тот ему отвечает: «Хочу». Парень говорит: «Садись ко мне на колени». Мужик сел, парень достал большие рукавицы, сунул туда свои руки и руки мужика и стал водить по клавишам. Потом вынул руки, а мужик продолжает на гармонии играть и песни поет. Так за одну ночь и научился на гармонии играть.

Стал мужик спрашивать: «Как мне тебя отблагодарить?» Парень ему отвечает: «А ты вытолкни меня из бани». Мужик дал ему коленом под зад. И сломал... ногу-то.

Бывальщина

У водяного в гостях

В трех верстах от деревни Березницкой и лесу на реке Ворбазе стояла старая мельница. На мельнице жил мельник со своей же-

ной. Детей у них не было, жили вдвоем. Мельник частенько приходил домой распьянёшенек. Дивовалась баба: «Кто мужика угощает? Никуды он, кажись, не ходит. И на деревне не был, да вот напился». И часто так мужик напивался. Стала баба выспрашивать да выведывать: где это так мужик упивается да угощается? А бабу пуще любопытство разбирает, а он-то все не сказывает, где это напивается. Баба и добром и руганью, мужик все молчит. Баба мужика день и ночь пилит: «Ну мне, жоне своей, скажи, где угощаешься? А коли не скажешь, с дому сойду и скотину не пожалею, а от тебя уйду». Мужик крепился, крепился и повинился, что ходит к водяному в гости, что угощенье порато хоропо. Вина, пива хоть залейся. Баба к мужику подлащивается, его умаливает, упрашивает всячески, чтобы сводил ее к водяному. Не дает покоя мужику: «Ну сведи ты меня к водяному в гости».

Как мужик ни уговаривал ее, а она все свое: «Веди в гости к водяному. Хочу поглядеть, как живет водяной». Мужик согласился вести ее к водяному, только строго-настрого наказал: «Поведу я тебя в гости к водяному, только смотри, ты там ничего не пей и не ешь. Много там будет всякого угощенья, тебе будут наливать, угощать силком, а ты смотри — не дотрагивайся! Если поить будут, мимо лей. А кормить будут — за пазуху клади! В полночь пойдем в гости!».

Наступила ночь. Мужик свою бабу повел к водяному в гости. Привел ее на мельницу. Велел рубаху ей надеть на леву сторону и садиться с ним рядком на мельничное колесо. Взял ее на колени. Три раза свистнул. Велел жене закрыть глаза. Колесо завертелось, вода зашумела. Мужик говорит: «Ну, баба, смотри, приехали в гости, куда ты желала». Видит баба, стоит дом большущий-пребольшущий, весь изукрашен всякими камнями самоцветными. Всё везде изукрашено. Стол тоже в драгоценных камнях, а на столе сидит маленький старик. Волосье у него долгое-предолгое, а около его всякого народу бегают видимо-невидимо. Все к нему с низким поклоном, с большим почтением подходят. Он приказал своим людям угостить гостей на славу. Повели бабу и мужика в горницу. Перед ними стол стоит матерущий и весь угощеньями заставлен. Чево-чево только нет. Перемен всяких на стол наношено, гостинцев всяких, вина, пива — хоть залейся. А уж как угощают! Низко им кланяются люди водяного, всё потчуют. Мужик ест, пьет, да на жену нет-нет да поглядит. Да таково-то грозно. Жена не пьет, а тихонько под стол льет, не ест, а под скатерть прчет.

Стало светать, надо домой отправляться, а бабу схватили в беременность, не отпускают, говорят: «Ты на что у нас ела-пила? Живи у нас. А то, дак дай крови из твоей руки, и будешь наша». А баба им отвечает: «Я ничего вашего не пила и не ела. Всё у вас оставляла вам. Питья не пила – под стол лила, а пироги в запазуху клала». Распоясала пояс, тряхнула – из-под пояса все пироги вылетели, а на вороту крест висит. Выпустили бабу из беремья. Порато заругались. Муж взял её за руки и повёл вон. На этот раз он долго свистел. Мельничное колесо не вертится. Вот, наконец, колесо медленно завертелось. Мужик бабу подхватил, себе на колено посадил. Пришли домой. Баба вся перепугалась. Да когда ее не отпускали, все бока передавили. Баба долго болела. Уже в гости к водяному не просилась, даже днем на мельницу ходить боялась. А потом жить в деревню перебралась. В деревне они потом дом с мужем выстроили. Ей во сне еще часто снилась гостьба и угощенья. Она боялась и подумывать о них.

Легенды

Как отец Серафим на чертѣ в Иерусалиме летал

Он сорок лет уединялся, чтобы не грешить ни с кем. За сорок годов, что он жил в этой пустыне, он сорок колодцев выкопал. Выкопает – вода уходит. Опять снова копает...

И вот литургия в Пасху в Иерусалиме была. Он пришел и говорит: «Надо бы попасть сегодня на литургию в Иерусалим». А там кто-то в рукомолке плещется. Он говорит:

– Господи, кто там?

– Это, – говорит, – я, злой дух.

– Как, – говорит, – ты туда забрался?

Он говорит:

– Ты выпусти меня, дак я тебе расскажу.

– А как я тебя выпущу?

– Прочитай, – говорит, – «Отче наш» взадпята.

Прочитал. Вылетела муха, красивая такая, позолоченная. Перевернулась – и такой парень: кудрявый, босый – ох! Пером ни описать и в сказке ни рассказать.

– Так что, – говорит, – повезу я тебя. Садись на меня, за волосы обмотай и держись. А у него (Серафима) была шапка такая, камилавка.

Как только от крыльца отлетел, он говорит:

– Стой, шапка упала.

Товарищ говорит:

– Уже никак ворочаться (вернуться) – обратно пойдём, дак подберём.

А пришли – уже шапка-то на престоле в Иерусалиме: кто-то опередил.

– Вот, – говорит, – черт силён, да воли мало.

А потом ему (Серафиму) ангел небесный сказал:

– Вот ты променял Господню силу на силу злого духа – тебе еще надо сорок лет молиться. Согрешил. Вот и приехали к нему туда, в Палестину, где он скрывался, молился. Серафим спрашивает:

– Как же ты туда, в рукомоyku-то, ко мне забрался?

– А просто, – говорит.

– А покажи, – говорит, – да заберись туда – я посмотрю.

Ну злой дух сейчас перевернулся в ту муху и в рожок залетел, а он ему говорит:

– Аминь на дьявола, больше не выпущу.

Прилетел ангел и говорит:

– Сумел на чёрте съездить в Иерусалим, да обманул его – Господь тебе все простил.

Легенды об Иоанне Кронштадском

1. Недалеко от Суры есть источник, говорят, что когда-то Иоанн Кронштадский освятил его. И если помыться водой из этого источника, то комары перестают кусаться.

2. В Суре и в соседних деревнях, вплоть до Верколы, нет крыс. Рассказывают, что Иоанн Кронштадский сказал: «Здесь этой твари не будет». С тех пор крысы и исчезли.

3. Деньги на постройку женского монастыря в Суре давал Иоанн Кронштадский. Игуменья, которая отвечала за его постройку, решила сэкономить деньги и сделала здание одного из монастырских соборов меньше на метр. Узнав это, Кронштадский предсказал, что в этом соборе службы не будет, а после революции собор и разобрали на кирпичи сами монахини.

4. Старики в Суре рассказывают, что после революции тело Иоанна Кронштадского тайно было перевезено из Кронштадта в Суру и перезахоронено в пятнадцати километрах от Суры, в д.Роще, где находился монастырский скит.

5. В пяти километрах от Суры есть святой ручей, к которому ходят «по обвету». Когда-то неподалеку от ручья на ине появилась

икона-складень Николая Угодника. Ее несколько раз уносили, но она появлялась вновь. Как-то один мужик потерял коней и дал обет построить часовню, если найдет коней. Нашел он коней и часовню построил. После революции часовню несколько раз ломали. Сейчас вместо нее построили новую, а рядом поставили крест.

Предания

Топоническое предание

Основание деревни Валдеево

Деревню Валдеево бывшего Каргопольского уезда основали два брата Исаак и Конура. Был у них всего один топор, и когда они рубили лес для дома, то преребрасывали топор с одного берега на другой.

Как-то раз Конура бросил топор и уронил его в реку. Рассердился Исаак и все камни со своего берега перебросил к Конуре. С тех пор берег, где был Конура, каменистый, а место называют Конурёво. А место, где был Исаак, — без камней, и называют его Исачка.

Исторические предания

Затонувшее золото в реке Пянда

Есть в Виноградовском районе река Пянда. Цвет воды ее желтый. Это объясняется очень просто: вода из болота. Но местные жители рассказывают, что в давние времена река была очень широкой. По ней плавали корабли, и наши, и заморские. Однажды шел огромный корабль, набитый драгоценностями из золота.

Произошла течь, и он начал тонуть. Все люди спаслись, но драгоценности утонули. А корабль вынесло в расщелину между берегами. Сейчас это место называют Могильником. А золото пролежало уже много лет и дало свой цвет воде в реке. А то место, Могильник, считается опасным.

Об основании колокольни в Каргополе

Однажды стоял солдат на карауле в спальне Екатерины II. Ему было скучно, и он хотел спать. Он достал трубку и закурил — решил себе вольность прилечь на царскую кровать. Вдруг зашли Екатерина II и Потемкин. Солдат вскочил, а горящую трубку засу-

пул за пазуху – оттуда пошел дым. Потемкин заметил солдата, разозлился и закричал: «Как ты мог на царской кровати лежать?» Пригрозил отправить в тюрьму. Но царица была в хорошем настроении и сказала: «Нет! Пускай лучше на север куда-нибудь едет к переселенцам». И спросила: «А почему у тебя дым из-за пазухи идет?» А солдат ответил: «От Вашей красоты жжение в груди». Потемкин еще больше разозлился и отправил солдата на пожизненную ссылку в Каргополь.

Через некоторое время решили Екатерина II и Потемкин ехать через Каргополь куда-то. Ну и в городе засуетились, забегали: надо к приезду царицы сделать что-то необычное. Бросились к солдату: «Ты, мол, царицу видел и знаешь, что ей нравится». Солдат ответил: «Постройте колокольню по католическому образцу – ей такие нравятся». Построили колокольню и крест на ней развернули к Петербургскому тракту, откуда должна была ехать царица, а не на восток, как надо было по церковным правилам.

Колокольня до сих пор стоит, и крест на ней повернут к Петербургу. Но царица так и не побывала в Каргополе.

СКАЗКИ

Волшебные сказки

Сказка про девочку и собаку

Жили-были старик и старуха. И было у них три дочери. Дочери выросли. Такие были красавицы! А женихов нет. Старуха решила так: «Запрягай лошадь, дед, посади старшую дочь и повези; какой встретится – за того и отдай». Делать нечего, старик повез старшую дочь. И идёт старьёв-старьёв старик:

– Куда ты, отец, правишься?

– Вот, повез старшую дочку добрым людям казать.

– Отдай за меня.

– Бери.

Отдал старик дочь и поехал обратно, приехал домой. Бабка спрашивает:

– Ну как, отдал?

– Отдал.

– За кого?

– Да за такого старика, что хуже меня.

– Ну что ж делать, так и быть. Ну, теперь вставай утром пораньше, вези вторую дочь.

Ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, встретили старика. Он спрашивает:

– Куда, отец, правишься?

– Дочь повез замуж отдавать.

– Может за меня отдашь – я очень богатый. У меня всего много.

– Отдай меня за него, – говорит дочка.

Отец отдал, приехал домой:

– Отдал за старика, но очень богатого.

– Что же ты не посмотрел его богатства?

– Придёт пора – увидим.

– Ну повези третью, чего хранить, мы старые стали.

Повез дед последнюю дочь. Едут день, другой, никто не встречается. Приехали к избушке: «Кабы, дочь, я тебя отдал, я бы этот теремок домой увез». Зашел в теремок, смотрит, а там лежит собака: ушки чёрненькие, лапки чёрные, хвост чёрный, а сама большая. Смотрит она на деда, как будто схватить хочет. Она ему лапой показывает сесть. Накормила она старика мясом. Потом девушка зашла. Она и девушку садит.

Старик говорит: «Мне бы надо дочь замуж отдать, но ты ведь собака». Собака к девке ласкается, не отпускает. Девка согласилась остаться. Собака о девушке заботится.

Приехал старик домой. Старуха спрашивает:

– Ну что, где оставил?

– Да что, старуха, тех оставил у стариков, а эту – у собаки.

– Как у собаки?

– Да вот живет в теремке собака, и дочка там осталась.

– Ну что ж, надо как-то дочерей в гости созвать с мужьями.

Наварили пива, собрали гостей. Пришли дочери. Старшие пришли со стариками, но разодеты – ни в сказке сказать, ни пером описать. А младшая сидит одна, пригорюнилась. И вдруг идет собака. Дочке и собаки жалко, и признаться не хочется, говорит: «Я хоть хлеба собаке вынесу, жалко мне ее».

Пока она выходила, пес шкуру сбросил и обернулся добрым молодцем. Дочка сказала, что это ее муж. А мужу говорит: «Ты ляг, отдохни, а я сбегаю посмотрю, как у нас там дом». А сама шкуру эту сожгла, а муж умер.

Как отец на дочери хотел жениться

Жил-был купец. Жил он с женою. Народилась у них дочь. Девушка была очень красивая. Вдруг жена заболела, умерла. Остался отец с дочкой вдвоем. Время проходит быстро, дочка растет неписаной красавицей. Отцу нужно жениться. Он не может подобрать себе невесту. Думал-думал и решил взять себе в жёны свою дочь. Дочь согласия не дает. А отец дочери покоя не даёт – зовёт замуж. Дочь не идёт. Говорит отцу: «Папенька, схожу я к маменьке на могилку. Что мама скажет, так и будет». В двенадцать часов ночи дочка пошла к матери на могилку. Плакала, просила мать:

– Отзовись мне, маменька, своим нежным голосом. Дай мне материнский совет. Без твоего совета я репить не могу.

Вдруг в могиле мать заговорила:

– Не кони ли бежат, не копыга ли стучат, не моё ли дитя шлachtet?

– Твоё, твоё, маменька. Твоё, твоё, родимая.

– А что тебе, доченька, нужно? Что беспокоишь меня в двенадцать часов?

– По тебе, маменька, плачу. Папенька без тебя мне покоя не даёт. Зовёт меня замуж.

Мать отвечает:

– Доченька, не спеши замуж выходить, тем более за отца. А скажи ему, чтоб поехал за тридевять земель, за тридевять морей. Пусть купит такое платье, чтоб днем сияло как светлое солнце, а ночью освещало тебя и обогревало. Пока не купит такое платье, не даю разрешения.

Дочь пришла домой. Отцу рассказала, что мать велела. Отец долго не думает – поехал. У него целая свита солдат, поехали. Отец ездил долго ли, коротко ли, дочь всё его ожидала. Приехал, привёз такое платье, что ни в книге писать, ни пером описать. Очень красивое платье. Отец дочь спросил: «Даёшь ли ты мне своё согласие или нет?» Дочь отвечает: «Пока не схожу к маменьке за советом, замуж не пойду». А отец не пускает дочь на вечерки – боится, чтоб не увезли. Но дочь успокоила отца и вновь пошла к матери на могилу. Она плакала горькими слезами, просила, чтоб она отозвалась. Господь ей помог. Мать заговорила:

– Не кони ли бежат, не копыта ли стучат? Не моё ли дитя плачет?

– Твоё, твоё, маменька. Твоё, твоё, родимая.

– Ну, что решил отец?

– Отец приехал, платье такое привез.

– А теперь, моя доченька, другой наказ пусть выполнит. Пусть едет туда же: за тридевять земель, за тридевять морей. Пусть привезет шубу: такую шубу, какие только в мире животные имеются, – от каждого по кусочку, называется куньей шубой. У тебя печки нет, вот она тебя и будет согревать. И пусть не забудет, зайдет к Римскому царю, к Давиду. У него в саду есть невиданный аленький цветочек, который может тебя в любое время укрыть в любом трудном месте.

Дочка приходит домой, говорит отцу то, что мать сказала. Отец долго не думает, собирает свою свиту, едет за тридевять земель, за тридевять морей, в Давидово царство. Увидал там эту шубу. Сколько она ни стояла, отдал за нее всё, не забыл и про аленький цветочек. Привез и цветочек. Привез и блюдечко с яблочком, которое предвещало впереди на несколько лет. Но как бы он не поворачивал это яблочко, все равно, жениться с дочерью он не мог. Дочка не даёт согласия.

Пошла дочка к матери в третий раз. Мать продолжала все те же слова, что и было. Дочка объяснила матери:

– Съездил отец, привёз всё, что было. Прихватил и яблочко на блюдечке, которое предвещает намноего вперёд.

Мать дала такой наказ:

– Набрать столько вина, и такое вино, неслыханное, невиданное: будут пить и сытости не знают.

Отец собирает свою свиту и едет обратно к Давиду. Отец уехал, а дочь пошла к матери за советом. Мать говорит так: «Пока ездит отец, заставь всех слуг, чтобы сделали тебе домик, и такой красивый, как бы из хрустала и пусть везут в сечище. А ты в этом домике закройся и сиди».

Дочка пришла, слугам все это доложила. Слуги долго не думали. До приезда отца уже всё готово. Дочка слугам сказала, чтобы ее они отнесли в сечище, носили есть и пить. Забрала она у него и яблочко на блюдечке, и цветочек аленький. От свободного времени она стала гадать на яблочке. Как ни повернет яблочко, все валится ей Иван-царевич. Она видит его в яблочке. Иван-царевич был неописанной красоты, очень был красив. А она и думает: «Откуда взялся Ивану-царевичу, ведь я в лесу?» А мать такая вот умница. Мать ее была Елизавета Прекрасная. Она была предусмотрительная, хотела дочь сберечь. Вот в прекрасный воскресный день Иван-царевич поехал покататься по лесу, поинтересоваться природой, лесом. Тут он и увидел необъятный, красивый домик. Походил около дома этого. Сам себя видит как в зеркале. А она была в той куньей шубе, поэтому он не мог понять, кто это.

Поинтересовался он домиком и поехал домой. Приехал домой и говорит своей матери:

– Мама, я был в сечище и никогда не видел такого чуда. Много раз ездил, но никогда не видел такого красивого домика, настолько красив, что блестит весь, как зеркало.

А мать и говорит:

– Так что же ты не привез его домой? Забирай слуг и вези его домой.

– А куда его поставим, этот домик?

– А мы его спрячем на повети, чтобы никто не видел.

Слуги Ивана-царевича послушались, взяли хорошую лошадь и поехали. Со всей красавицей привезли и поставили на поветь. Дверей этого домика они не могут найти, в окно только глядят. Поехал Иван-царевич на вечерку в Рождество Христово. Приходит он на

поветь брать упряжь. И вдруг она открывает дверь, а сама в шубе, Ивана-царевича видит и спрашивает: «Куда Иван-царевич собираешься?» А он взял и бросил в нее вожжами. Она вожжи взяла и в свою хату. Когда Иван-царевич уехал на вечерку, она одела платье и пошла тоже. А он как увидал ее, не может глаз отвести. Откуда взялась такая красавица, что ни пером описать, не мог понять, что за красавица. Как повернется она в платье, как солнце горит. Ему уже и не до вечерки. Поехал он домой быстрее к матери, рассказал. А ему надо жениться. Мать говорит ему, что как он раньше ее не знал. А девушка тоже с вечера пошла домой. Иван-царевич решил с матерью, что надо как-то эту узнать красавицу. На следующий день он опять пошел на вечерку. Она пришла с вечерки и гадает на яблоке — ей всё валится Иван-царевич, отец ей всё не валится. Стал Иван-царевич запрягать лошадь, она перед ним опять явилась в этой шубе. Он в нее бросил рукавицей и прибавил: «Ух ты, чудовище». Она пугает его в этой шубе. Он подумал, что, если женится, то жена испугается этого чуда. Он решил сегодня невесту высватать, так как второй день Рождества. Он приезжает на вечерку, она тоже приходит. Платье одела еще краше. Решил Иван-царевич подойти и спросить: «Чья? Откуда?» Она ответила: «Тебе нечего спрашивать, мне нечего отвечать. Когда встречаемся, то вожжами бросаемся и рукавицами». Иван-царевич призадумался. Он сдумал, в кого рукавицами и вожжами бросал. Сразу поехал к матери. Мать сказала: «Зазови слуг, пока она на вечерке, укрой дом, чтобы она его не видела».

Вот приходит она домой, приходит, а домика нет. Если бы была при ней шуба, то она бы не замерзла. А так она озябла и заплакала. Тогда Иван-царевич к ней подошел, обнял и повел к себе в царские палаты. Он сказал ей: «Тебе быть моею женой. Откуда ты взялась, я представить не могу, а всё равно поженимся». Тогда она сказала Ивану-царевичу, что надо сообщить ее отцу, чтобы вино на свадьбу у них было.

Был пир на весь мир. И я там была, пиво пила. У них полы гладки, а у меня подошвы катки. Пала, так задницу расколола, до сих пор с дырой хожу.

Бытовая сказка

Сказка про поповку

У попа да у попады была одна только дочь Марьюшка, умная да красивая. Про ее красоту да богатое приданое, которое за нее

давали, далеко слава шла. Жонихи к ней беспрерывно скакали – все богатые, знатные, а она про жонихов слышать не хочет. Уж и годы ей стали немалые, двадцать годков уж минуло, на третий десяток уж заворотилось, а она всё замуж не идёт. Был у неё с детских лет милый дружок – вот и жаль ей с ним расставаться, со своим Иванушкой. Крепко они слюбились и дали друг другу заклятье: ей, кроме него, замуж не ходить, а ему – ни на кой не жониться.

К ней приехал жоних порато богатый, но глуповатый, купеческий сын. Поп позарился на его богатство и порешил отдать за него свою милую дочку Марьюшку. Как уж они ее любили да холили. Она у отца с матерью в ногах валяется, порато уж убивается, просит ее не отдавать за купеческого сына Павла.

Отец не поглядел на ее слезы и рыдания, стали заводить свадьбу. На свадьбу стали ладиться, пироги печь да пиво варить. Поповка Марьюшка на поварню прибежала и говорит: «Заливаете огонь, не надо пиво варить, свадьбы не будет, поп отказал». Огонь загасили, перестали пиво варить. Приходит Марьюшка в стряпильницу и говорит: «Не неките свадебных караваев, не стряпайте пирогов, не варите кушаний, не ладыте сладких яств, гасите огонь, выливайте кушанья, даром время не маните, свадьбы не будет, поп отказал».

В стряпильнице огонь загасили, кушанья перестали готовить. Поп пришел смотреть и видит: печи не топятся, кушанья не ладятся. Сильно рассердился на рабочих, а рабочие ему и говорят: «Твоя дочь пришла велела все прикончить. Свадьбы не будет, ты жониху сам отказал». Велел поп скорее пироги печь, кушанья варить. Скоро жонихи наедут, надо стол сряжать, а поповка слезами обливается. Наказывает-то своему дружку Иванушке: «Как нас на подклеть спать поведут, ты не зевай, на повети заездными воротами зайди, все ворота крепко-накрепко запри».

Обвенчали Марьюшку с Павлом, пир отгуляли, молодых спать на подклеть повели. Холодно на повети, морозы крепкие стоят. Марьюшка и говорит Павлу: «Ну скорее разболокайся и ложись. Мне одной студенó лежать». Он совсем разболокся, все с себя снял, лег с ней на примостку, а она ему говорит: «Мне порато захотелось нить. Муженек мой милый, любой, сходи, принеси мне пивца. Оно тут на повети у ворот стоит. Зачерни и неси скорее, не оболокайся, недалеко, в одной рубашке сбегаешь». Муж рад угодить, разболоченный побежал за пивом, а дружок Иван того и ждал, к ней в клеть забежал, накрепко заперлись, лежат на примостке милоются.

Муж воротился, весь продрог, стучится, а жона ему говорит: «Кто тут стучится? Нам молодым спать не даёт?» Муж отвечает: «Я твой муж Павел». Она ему: «Какой ты Павел? Ты не Павел, а дьявол. Мой муж Павел со мною спит, у меня на руке лежит. Уходи, дьявол, прочь, не пущу». Марья мужа не пустила, он на повети весь промерз. А она под утро дружка своего Ивана выпустила.

Пришли утром молодых будить, смотрят, а муж лежит без памяти, ничего уж не говорит, а Марьюшка лежит на примостке и вопит, разжалобилась, во всю глотку кричит: «Вся я замерзла, едва дышу. Одна ведь на морозе спала – не спала, а все лежала, его ждала да ревела. Как только легли, он сразу от меня разболоченный убежал. Видно есть у него замиловка, к ней убежал. А я вот одна и лежи да мерзни. Как я с ним жить-то буду, коли он от меня с первой ночи к другой убежал?»

А Павел весь промерз и сразу же умер. Его похоронили. Марьюшка вышла за своего милого дружка Иванушку, стали они жить поживать, худо проживать, а добро наживать.

Сказка о животных

Лиса-плакальница

Жили-были старик да старуха. Старуха неходячая была. Посеял когда-то дедко на подызменце жита горсть. Прожили они лето, и надо-то жито жать. Вот дедко-то и задумался, как бы ему жито оттуда добыть. Вот дедко и собрался заползти на подызменцу по лестнице. Только он лестницу поставил, а старуха тоже запросилась с ним. Он её и посадил в мешок (а как больше понесёшь?). Взял он мешок-от со старухой-те в зубы да и полез, значит, на подызменцу. А старуха-та хоть и неходячая была, а страсть как любопытна. Вот ползёт дедко по лестнице, а старуха из мешка и спрашивает: «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, дедко, ползёшь?» Дедко молчит, а сам всё наверх попадает. Старуха его другой раз спрашивает: «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли?» Дедко у нее все молчит, ничего не говорит, а сам все кверху пробирается. Ну и дополз он до верхней ступенечки. Старуха его и спрашивает третий раз: «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли?» Он не утерпел да и отвечает: «Как не высоко-то, высоко уже, старуха!» Ну, сказал он это, а мешок-от со старухой-те у него из роту-то ведь и выпал! Полетела старуха в мешке да и со самой верхней ступенечки и зашиблась об мост.

Что поделаешь? Надо старику хоронить старушку. А хоронить, дак надо и плакальницу звать, старуху-то оплакивать. Пошёл дедко в соседнюю деревню за плакальницей... А встретила на дороге ему лисица. Лисичка-хитричка у него и спрашивает:

– Что, – говорит, – дедушко, пригорюнился?

– Так и так, – отвечает старик, – была у меня старуха, да полез я с ней жито на подыменцу жать, да сорвалась она у меня в мешке, да и разбилась. (У дедка-то и так зубов-те мало, а тут мешок, да со старухой!) Иду плакальницу звать, да ничего у меня нету с ней расплатиться.

– Не горюй, – я даром тебе поплачу.

– Да ведь ты, поди-ко, не умеешь.

– Нет, умею, вот увидишь, веди-ко дак.

Привёл старик лисичку в избу: «Плачь, – говорит. – А я пойду на мост гроб делать, дак учую, как ты этгы голосишь». А лисице-то только то и надо было! Тёшет дедко на мосту доски на гроб, а лисица поёт: «Лельки-полельки, убиласе старушка с подызмёнки, с передызмёнки».

Поплачет-поплачет да и погрызёт старуху-ту. А дедко-то на мосту тёшет доски да думает: «Ну, какую хорошую плакальницу нашёл, старуху хоть как следует похороню!» А лисичка знай поёт: «Лельки-полельки, убиласе старушка с подызмёнки, с передызмёнки».

А сама и погрызёт старушнины косточки.

Кончил дедко работу, сделал гроб. Пошёл в избу, открыл двери, а лисичка-та и пых из избы. Поглядел старик, а у старухи одни косточки лежат. Не знаю, правда али нет, а старые-те люди так рассказывали.

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Исторические песни

*Сядем-ко, ребятушки, во единый круг
(На военном корабле)*

Сядем-ко, ребятушки, во единый круг,
 Ох, во единый круг, во единый круг,
 Да ребятушки, на зеленый,
 Ох, на зеленый дуг, на зеленый дуг.
 Мы подумаем-ко все, да ребятушки,
 Думу крепкую, ох, думу крепкую.
 Запоем-ко мы ее, да ребятка,
 Песенку новую, песенку новую,
 Мы которую, братцы, пели,
 Ох, на синём море, ай, на синём-то море.
 Мы не песенку, братцы, пели,
 Горюшко мыкали, ох, горюшко мыкали.
 Утешали-то мы да молоденького
 Было вот полковничка, вот полковничка.
 Не бывал-то ле наш полковничек,
 Ай, на синём, ох, на синём-то море.
 Не видал-то ле, ай, наш полковничек,
 Страсти, ай, страсти-ужасти, ой, страсти-то ужасти.
 Да погодушки, ай, синёморской,
 Синё морюшко да всколыхалось,
 Всколыхалось со края на край,
 Да со конца на конец.
 Испугался да наш полковничек да исполошился:
 Подломился его да ноги резвые,
 Опустились его да руки белые,
 Помутнились его очи ясные,
 Покатилась буйна головушка да с плеч.
 Покатился наш полковничек со кормы долой,
 Он упал-то во синё море.
 Тут матросики уже да всколыхнулись,

Легки плюпочки да опустили,
Подымали его на борт да за честные кудри.

*Выпил рюмочку, выпил две
(Платов у французов)*

Ты Расея, Мать российская земля, Мать российская земля,
Ой, про тебя, наша Расея,
Далеко слава прошла, ой, далеко слава прошла,
Да про Платова-казака, про Платова-казака.
Ой, у Платова-казака не обрета борода,
Не обрета борода,
Да не стрижены волоса.
Ой, Платов бороду обрёл,
Да ко французу в гости шёл —
Ох, его француз не узнал
Да за купчишко почитал,
Ох, за купчишко да за мальчишко,
Ох, за убранный стол да сажал,
Да чаем-кофеем поил,
Да сладкой водкой угостил,
Ой, сладкой водкой угостил,
Да тайны речи говорил.
Ой, выпил рюмочку, выпил две —
Зашумело в голове,
Ох, зашумело-то, загремело:
«Скажи правду ты всю мне о Платове-казаче, о Платове-казаче».
«Ох, у Платова-казака
Не обрета борода, не обрета борода,
Да не стрижены волоса.
Ох, во Москве-то много раз бывал,
Генералов много знал,
Ох, генералов да купцов,
Да всех донских я казаков.
Ох, одного-то только не знал я Платова-казака».
Ох, у француз-то дочь была
Зла-догадлива така, зла-догадлива така;
Да ко Платову подошла:
«Ой, ты купчишко, ты мальчишко,
Ты позволь патрет козить».
Платов патрет доставал
Да на убранный стол кидал,
Да сам из горенки бежал,
Да на добрый коня сажал,
Да громким голосом да кричал:

«Ты ворона, ты ворона, ты французская свинья,
 Не сумела ты, да ворона, соколѣ отеребить,
 Дак сумей ты, да ворона, в трех дорогах схоронить».

*Песня об Александре
 (Смерть Александра I)*

Отправлялся Александро
 В Таганрог Москву смотреть.
 И обещался Александро
 К Рождеству домой прибыть.
 И все три праздника проходят —
 Александра дома нет.
 И родима его мамаша
 Стосковалася по нем.
 Желанна его жenuшка
 Крепко плакала по нем:
 День тоскует, ночь не спит,
 Да все в окошечко глядит.
 Пойду-выйду на ту башню,
 Которая выше всех.
 Гляну, гляну в ту сторонку,
 Которая дальше всех.
 И то не пыль в поле пылает —
 Молодой курьер бежит.
 Пойду спрошу у курьера:
 «Ты куда, курьер, спешишь?»
 Да, молодой, куда бежишь?»
 «Я бегу да я спешу,
 Да я из Питера в Москву
 От Александра весть несу:
 Помер, наш Лександро,
 В Таганроге жизнь скончал.
 Все двенадцать архиресев
 На главах его несут,
 Все шестнадцать проторсев
 Хорошо стихи поют,
 А господа и офицеры
 По бокам его идут».

Баллады

*Как за речкою да за великою
 (Тёща в плену у зятя)*

Как за речкою да за великою,
 Злы татары дуван дуванили,

Да на дуванищи да доставалася да тѣща зятелку.
 Как увез зять тѣшу во дикую степь,
 Во дикую степь к молодой жене:
 «Я привез тебе, да жѣнушка, работницу,
 С Руси русскую да полужаночку,
 Уж ты дай ей да три дела делати:
 Перво-то дело, как куделя прясть,
 А второ-то дело, как гусей стеречь,
 А третье-то дело, как дитя качать».
 Она качает его да приговаривает:
 «Уж ты снн-кося, да сын, сын-татарченко,
 А по матушке-то будешь русиночек.
 Как твоя-то мать семи лет взята,
 В дику степь увезена,
 Как твоя-то мать да мне родная дочь –
 На белой груди да есть родиночка,
 На левой ноги да нет мизинчика».
 Услыхали да слуги верные,
 Доложили о ней да своей барыне.
 Бежит она да по новым сеням:
 «Ты поди-ка сюда, моя матушка,
 Ты бери-ка, седа, золоты ключи,
 Открывай-ко да сундуки кованы,
 Да забирай-де золотой казны,
 Да поезжай-ко ты во святую Русь».
 Говорит ей да матушка:
 «Я от тебя, дитя, не откажуся,
 Навеки вечные с тобой остануся».

Край пути было дорожечки

Край пути было дорожечки,
 Край широкою было московскою,
 Испостросны были палатушки,
 Новы-каменны были государевы.
 Из тех палат-то белокаменных,
 Белокаменных было государевых,
 Выезжал-то тут майор-полковничек,
 Вывозил-то указичек немилостив,
 Он немилостлив, указ, нежалостлив:
 Из трех-то братиков – в солдаты брать,
 А из четырех-то братиков – в казачки писать.
 Что у нужного-то было, у бедного,
 У крестьянина было небогатого,
 Было три сына, да три хорошие,

Все на царскую службу дети гожие.

– Как большого-то сына – мне-ка жаль отдать,

Как среднего-то сына – мне не хочется,

Еще малому сыну, – верно, Бог судил,

Верно, Бог судил да во солдатах быть,

Во солдатах-то быть, да все царю служить.

Уж вы, дети мои, деточки,

Уж вы все-то, дети, были рожьныс,

Вы пойдите-ка, дети, вдоль по улице,

Вы зайдите-ка, дети, в грядну кузницу,

Уж вы скуйте-ка, дети, по ножичку

По остру-то ножу, по булатному,

По булатному ножу, по укладному,

Вы сходите-ка, деточки, во рощицу,

Ссекните-ка, детки, по прутуку.

Уж вы сделайте, дети, по жёребью,

Уж вы сходите-ка, дети, на Дарью-реку,

На Дарью-реку да на свежу воду,

Вы спустите-ка, дети, эти жёребьи.

Еще старший сын опускал – серой утицей плывёт,

А как средний сын опускал – сизым гоголем плывёт,

А как младший сын опускал – будто камень ко дну идёт.

Еще тут-то сын да расплакался, отцу-мамушке призажалился:

– Верно, я ли вам не сын, да, верно, пасынок,

Я не пасынок, не сын, да, верно, чужь дитя,

Я чужо дитя, верно, соседово,

Я соседушки дитя, верно, не ближнего, не ближнего – чужепризжето.

Талань (Жена разбойника)

Ты талань, моя таланчиха таланистая,

Талань-участь, горе-горькое.

На роду талань выпала,

Со делу ли доставалася,

Со младости до старости,

До седя до бела волоса!

Во лесу ли леса не было,

Во миру ли людей не жило,

На мне ли на младёшеньке,

Жеников ли на мне не было?

Женихи были хорошие,

Сватья были богатые,

Из Питера – молоды купцы,

Артельщики, молодё купцы.

Сдумал-выдал меня батюшка
 Что за вора, за разбойника,
 За денного подорожника,
 За ночного полуночника.
 Он со вечера коня седлал,
 Со полуночи в разбой уезжал,
 А по беду свету домой приезжал:
 «Ты жена ль моя сударушка,
 Отпирай, жена, воротнишка,
 Запущай мужа-разбойничка!
 Ты умой платье кровавос,
 Ты стирай да не рассматривай,
 Полощи да не размахивай!»
 Половину платья вымыла —
 Увидала своего брата родимого рубашку.
 Задрожали ноги резвые,
 Приопали руки белые,
 Я едва домой, баба, пришла:
 «Уж ты муж, ты разбойничек,
 Денный ты полуночник,
 Зачем убил моего братца,
 Тебе шурина любимого?»
 «Глупа, глупа, молода жена,
 Неразумная дочь отецкая!
 Где возьму тебе братца родимого,
 Мне шурина любимого?»
 Я со вечера коня седлал,
 Со полуночи в разбой съезжал.
 Как сегодняшню-то ноченьку
 Никому разбору не было:
 Ни отцу было, ни матери,
 Ни братьям и ни сестрицам».

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Стих о двух грешных душах

Как между-то раем
 Да между мукою
 Протекала-пробегала река огненная,
 От востока река и от запада,
 От земли пышет до неба,
 Приходило-то к этой реченьке
 Две-то души, две-то души,
 Да души грешные.

А стой реки да перевошишчки,
Тут-то Михайло-архангел со Гаврилами,
Тут Кузьма да Демьян со апостолами.

– Перевезите-перевезите

Через огненну реку, через огненну реку
Да ко прекрасному раю,
Ко Исавию, к Абраму, ко Якову,
К самому ко Христу, Царю небесному.
Мы дадим много злата и серебра,
Дорогого-то скатного жемчуга.

– Уж как мы-то судьи,

Да судьи праведные,
Не берем мы ни злата, ни серебра,
Ни дорогого-то скатного жемчуга,
Побредите-ко вы, душеньки,
Сами за реку, сами за реку,
Да ко прекрасному раю,
Ко Исавию, к Абраму, ко Якову,
К самому Христу, Царю небесному.

Забродили-то эти души

По колен в воды, по колен-то в реке,
Да реки огненные.

Как свое-то тело да обрываючи,
Как в огонь свое тело бросаючи.

– И пусть наше тело и сгораючи.

Подхватило этих душенек
Вниз по реке, вниз по реке,
Да реке огненные,

Потащило этих душенек

В смолу да в огонь, в смолу да в огонь,
Да во кшнимое море.

Вознесение Христа

Светлое Христово воскресенье,
Подошло да Христово Вознесенье,
Вознесся Христос да во небеси,
Да со ангелами да херувимы,
Со апостолами да серафимы.
Расплакалась да нишшая братья,
Разрыдалася убогая сиротка:

– Господи истинной Христос,
Да царь небесный.

Как мы будем питаться?

Кто нас оденет-обует?

*Кто нас напоит-накормит?
Кто нас от темной ночи раем сохранит?
– Не плачь-ко ты, нищая братья,
Не рыдай-ко ты, убогова сиротка,
Я оставлю тебе да реку медяную,
Я оставлю тебе да гору золотую.
Будете вы сыты и питаны,
Будете вы одеты-обуты
И от темной ночи раем сохранены.
– Господи, истинной Христос,
Да царь небесный,
Не оставляй реки да золотые,
Не оставляй горы да медяные,
Оставь нам имя Христово.
Уж мы будем по миру ходити,
Христа ради милостыню просити,
Уж мы будем Христа да называти,
Уж мы будем Христа да величати,
Уж мы будем сыты и питаны,
Уж мы будем одеты и обуты,
Раем сохранены.*

НЕОБРЯДОВАЯ ЛИРИКА

Протяжные песни

Труманти-батюшко страшён

Труманти-батюшко страшён:

Весь горами уснащён.

Только я не утрашился –

На зимовку покрутился,

Ухожу на промысли

Я от свары и от зла.

Не боюсь я зимовки,

А боюсь тёщи злой. (2)

От нее, как от мороза,

Обдерёт на теле кожу.

Только зимушку одну

Проживем мы на стапу

И к Воздвиженью крестному

На Мезень вернёмся к дому.

Не боюсь я зимовки,

А боюсь тёщи злой. (2)

Ежели море не возьмёт,

Ежели ошкуй не сомнёт,

Да чиньга-анафема,

Со зимовья нашего

Мы в родимые места

Возвернёмся не спустя.

Не боюсь я зимовки,

А боюсь тёщи злой. (2)

Пусть она чертовка злая

И кидается и лает,

Как собака на попа

Средь Великого Поста.

Плюну в морду тому псу

Во своем я терему.

Не боюсь я зимовки,

А боюсь тёщи злой. (2)

Калина в саду

Калина в саду, калинушка с малиною –
 Лазурьевый цвет, вот лазурьевый цвет,
 Невесёлая беседашка, где милого нет,
 Где мила дружка нет.
 Развеселая да компаньюша, где мой милый пьёт,
 Где любезный пьёт.
 Он и пить-то не пьёт, голубчик мой, за мной, младой, шлёт.
 Ещё я-то, млада, замешкалась, призамешкалась
 Да за утками, да за гусями, за лебедями, да за лебедушками,
 Да за птичкою, да за журавкой.
 Она журавушка вдоль по бережку похаживала,
 Да плала по шёлковой травиночке согнапывала,
 Это лазорьевый цветочек да пощипывала, ай, пощипывала,
 Ай, посматривала за речку, да за быструю –
 Есть крутая гора.
 Да на той горе, да на высокою
 Слободка стоит, невелика, да слободка – четыре двора,
 А четыре двора, а во этих да во домиках – четыре кумы,
 А четыре кумы, да голубушки, да подружки мои.
 – Ай, подружки мои, вы подвиньтесь да любите меня,
 Уж вы пойдёте в сад гулять – возьмите меня,
 Уж вы будете цветочки рвать – нарвите мне.
 Уж вы будете венок плести, ой, сплетите вы мне.
 Уж вы будете в воду спускать, ай, спустите вы мне.
 Все венки плыли – один мой тонул.
 Все дружки домой пришли – один мой не пришел,
 Он остался, мой милой, век вековать.

Говорил я своей любушке

Говорил я своей любушке, чество-лестью ей наговаривал:
 – Посмирнее да живи, любушка.
 Да его-то наказу не послушала,
 Я наговору-то его мало слушала.
 Да с младым дружком-то спозналася, во зелёный сад да гулять пошла,
 Во зелёном саду да загулялася, загулялася я заговорилася.
 Я нарву-то наберу хмелю ярого,
 Накурю-то, наварю-то пива пьяного, пива пьяного, вина зелёного.
 Соберу-то я, млада, честен-славен пир,
 Я на пир-то приглашу отца с матерью,
 Ещё-то я приглашу мила дружка,
 Я за батюшкой-то посла пошлю, а за матушкой пошлю служаночку,
 За милым дружкой я сама схожу.

Я сама-то схожу, быстро сбегаю, напою-то я дружка пивом пьяного.
 Пьяного-то я его буду спрашивать,
 Буду спрашивать его, выведывать:
 – Уж, ты, друг, друг любезный, ты одну ли меня сушишь-крутишь?
 – Я сушу-ту-крушу семь красных девиц,
 А восьму-ту крушу молоду вдову,
 А девятую-ту крушу жену мужнюю,
 А десятую тебя саму.
 Мне не жаль-то не жаль семь красных девушек,
 Что у девушек-то у девушек вольна волошка.
 Мне жаль-то жену мужнюю – ее журят-бранят со всех сторон.

Мимо моего садика

Мимо моего садика, да мимо садика зелена,
 Мимо моего зелена,
 Пролегала дороженька, пролегала широкая,
 Да не очень широкая – только продолговатая.
 Как по той-то дороженьке,
 Да как по той-то продолговатой
 Дочь от маменьки ехала,
 Слезно-жалобно плакала,
 Да соловейку наказывала:
 – Ты, соловей мой соловьюшка,
 Да ты слетай, мой соловьюшка,
 На родимую сторонку в элен садик к батюшке,
 Да на окошечко к матушке.
 Да ты пропой, мой соловьюшка, да про мое житьё девичье,
 Да про мое житьё горюшечье.
 У меня у горюшечки серый жемчуг на грудочке,
 Жар-колячко на ручушке:
 Серый жемчуг потемнел на груди,
 Жар-колячко распоялосе –
 Девья жизнь моя кончается.

Частые песни

Улка, ты улка моя

Улка, ты улка моя, широка, улка, не топтана,
 Красна девица не смотрена, помоложе не целована.
 Как люди во людях живут, чужим людям улаживают,
 Да свекровкам унаравливают?
 У меня была свекровушка лиха, а лиха курва неласкова,
 Посылала туда и сюда, в темный погреб за пивом, за вином.

В погребу долго замешкалася да пива пьяного нарезгалася,
Зеленá вина пьяна напилася.

Холостому стакан подала, а женатому зеленого вина,
Холостой стакан не примал, ко стакану белу ручку прижимал,
Золото мое колечко поломал, золото мое серебряно.

– Пособи, Бог, вечера дожждать, пособи, Бог, сыночка увидать,
Не родного сыпка – пасынка.

– Ты сходи, сынок, во новый городок, да купи-ко шелковую плеть.

– Не можно ли, мама, так отложить,

Не диковина в новой город сходить,

Да не диковина шелковую плеть купить –

Срам–бесчестье молоду жену учить.

А за тыном было тыненьким, за зеленым новым садиком,

Ходил парень погуливал, лебедину заворачивал.

Девка молодцом мололася, баско–хорошо сряжалася.

– Жениха мне-ка не было, да давать было не за кого,

Да меня сватали посадские, да из села-то ярославские.

Меня отдали–споневодили за вора за разбойника,

За ночного подорожника.

Он со вечера коней седлал, со полуночи в поход уезжал,

А к утру–свету домой приезжал,

Да будил свою немилую жену, немилу, нелюбимую:

– Ты вставай–вставай, немилая жена, да ты немилая, нелюбимая,

Да ты встречай мужа милого, любимого,

Убирай-ко стоячего коня.

Молодежь скоро подкатит

Молодежь скоро подкатит, люли, люли,¹

Вся хороша подойдет,

Все цыганы да ваганы,

Еще веркольцы – ельцы,

Юрошана – сенолюбы,

А в Пахиче – гуливаны,

Кушкочала – чернолобы,

Еркомёна – водожлебы,

Шардомёна – кашники,

Церкогора – черепаны,

Как залесина – пустынцы,

Айногора – темачи,

Ваймушона-то – богаты,

¹ Далее после каждой строки припев «Люли, люли».

Карпогоры – чиковаты,
 Шотогоры – форсуны,
 Марьегоры – ворчуны,
 А покигона – драчуны,
 А кротовцы-то – ревнивы,
 А Зенцово – уросливы,
 Немнюжана – ересливы,
 Киглонёна-то – горланы,
 А кеврольцы – богомольцы,
 Стали ужинать садиться,
 Нету Бога помолиться,
 Свету белому молитесь.

Частушки

Плясовые

1. Пол пробью,
Потолок пробью,
На доске остануся –
С милым не расстануся.
2. Пляши, Матвей,
Не жалея лаптей,
Палка новы заведёт,
Босиком не поведёт.
3. Быстро времечко бежит,
Золотое катится.
Кто не пьёт да не гуляет,
Тот под старость схватится.
4. Пошла плясать –
Дома нечего кусать:
Сухари да корки,
На ногах опорки.
5. А не все-то горю плакать,
А не все-то горю жить –
Половину надо горяшка
На радость положить.
6. А мы пить будем
И гулять будем,
А смерть придёт –
Помирать будем.

Частушки-жалобы

1. Вы разройте, раскопайте
Милого могилушку.
Вы заройте, закопайте
Меня, свиротинушку.
2. Ветер дует и бушует,
По-за кладбищем шумит.
Не моя ли мать родная
Во сырой земле лежит?
3. Маменьку родимую
Вспомяну неодинова –
Ни во поле, ни в лесу
Не услышу голосу.
4. Эх, ребята, наша молодость
Под серым камешком.
Скоро, скоро опояшут
По шинели ремешком.

5. Чужедальная сторонюшка
Не медом полита.
Она не сахаром засытана –
Слезами залита.
6. Мимо кладбища бежала,
Взвывла тонким голоском:
– Рано, рано тебя, миленький,
Засыпали песком.
7. Меня маменька родила
Под кусточком в полюшке.
Она заставила скитаться
По чужой сторонюшке.
8. Встань-ка, мама, утром рано
И послушай на заре,
Как я плачу и рыдаю
На чужой на стороне.

Лирические миниатюры

1. Я иду, а за мной тянется
Одиннадцать травин.
Я гуляю сиротиночкой,
И дробечка один.
2. Все ходила да окашивала
Дуг угористый.
Удроти первая приметушка –
Неразговористый.
3. Ягодиночка уехал –
Ему город незнаком.
Стены каменные высоки –
Сине морюшко кругом.
4. Не пойду я замуж век,
Где двенадцать человек.
Выберу, я, девушка,
Где четверо семеюшка:
Свекор да свекровушка,
Деверь да золовушка.
5. Как непойману тетерочку
Хотели общипать.
Неполюбленную девушку
Хотели взамуж взять.
6. Керосину в лампе мало –
Стала лампа потухать.
У милого ума мало –
Стал меня позабывать.
7. Уж счастлива, ты, подруга,
У тя дробля возле бок.
Он сидит и улыбается,
Как связый голубок.
8. Кабы были братья-соколы,
Отец, как у людей,
Снарядили б замуж девушку
Не хуже бы людей.
9. Снежки беленьки, пушисты
Покрывали поля чисты.
Не покрыли одного –
На сердце горя моего.
10. Погуляла бы я, дробечка,
По-прежнему с тобою:
Между нами лес густой,
Реченька с водою.
11. Не ходите, девки, замуж,
Замужем плохая жизнь:
Вам навяжутся малюточки –
Покоя не дают.
12. Потушите эту лампочку –
Неяственно горит.
Распарите эту парочку –
Сердечушко болит.
13. Птичка бсла, птичка сера,
Не на ту березу села.
Пересядь на ёлочку –
Снеси поклон милёночку.
14. К синю морю подходила –
Море всё под пеною.
Три недели сердце билось –
Всё перед изменою.

Небылицы

1. Я сегодня в ночи
Заблудилась на печи:
Цап, цап за мешок,
Думала, что женишок.
2. Как на речке, на ручью
Целовал, не знаю чью.
Думал: в кофте розовой,
А это – пень березовый.
3. Я стояла на плоту,
Мыла шёлкову фату.
Фата фальминка фанташу,
Я тебя перефоршу.
4. Сопью кофту-перекофту –
Кофту-выкофту-кофту.
Люблю дролю-передролю –
Дролю-выдроллю-дроллю.

ФОЛЬКЛОР РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ

Пословицы

1. Близкий сосед лучше дальнего родника.
2. Весной переезжай – потом ночуй, осенью ночуй – потом переезжай.
3. В лесе лес неровён, не то что люди.
4. В людях-то вода водой – дома-то беда бедой.
5. В Пасху птица гнезда не вьет, девушка косы не плетёт.
6. Где гриб вырос, там и выгнил.
7. Егорий (6 мая) – с водой, так Никола (22 мая) – с травой.
8. Море – наше поле.
9. Кинь добро назад – оно попереди очутится.
10. Кто на море не бывал, тот от души Богу не маливался.
11. Куда, ворона, не лети, везде хвою жевать.
12. Люди как трава в стогу: сегодня во пиру, а завтра во гробу.
13. Май – коню сена дай, сам на печь полезай.
14. На языке-то медок, а на сердце ледок.
15. Не бойся собаки, которая рычит, а бойся той, которая молчит.
16. Не был бы снег, так не был бы и след, а был снег, так был и след.
17. Не с поля жнем, а с моря.
18. Ничто так не научит, как пьяный муж да малые дети.
19. Он на поле – поляк и на море – моряк.
20. Пола мокра, так брюхо сыто.
21. Покойник у ворот не стоит, а на своем выведет.
22. С чужого коня среди дороги слезешь.
23. Худой муж – на потеху, хороший – на просмеху.
24. Человека-то видишь, а за человеком-то не видишь.
25. Что по воде плышет – не переимаешь, что говорят – не переслушаешь.

Поговорки

1. Без ловушки не видать ушки.
2. В деньгах свойства нет.

3. Вино в бочке смирено.
4. Век-от не неделя.
5. Ель сосны не даст.
6. За ночью, как за горой.
7. Запас рук не колет.
8. Кроме смерти, ничего не будет.
9. Ленъ впереди его (её) родилась.
10. Морошка любит хорошие ножки.
11. На завтра только хлеб оставляют (не работу).
12. Ни щи, ни каша (ни то, ни сё).
13. Прямо только ворона да сорока летают.
14. Раннего мороз не бьёт.
15. Своих на чужих не меняют.
16. Сзади хомута не одевают.
17. Троица в снегу роется.
18. У зимы ноги длинны.
19. Ходит как нива без огорода.
20. Хитрых-то скорей на быстери проносит.

Поверья (сѹеверные приметы)

1. Воду, которую пьешь, никогда не хули – здоровья не будет.
2. Если соли нет в доме, то деньги водиться не будут.
3. Кольцо до замужества носить – быть несчастливой в браке.
4. Нельзя в один год делать две свадьбы в одной семье – быть беде.
5. Ножницами играть – к содому.
6. Пол мыть кругами – мужу быть бородатым.
7. Птица постучит клювом в окно – быть беде.
8. Пустую зыбку качать нельзя – ребенок будет плохо спать.
9. Рукавицы на стол нельзя класть – всю жизнь будешь должен кому-нибудь.
10. Самовар (чайник) сильно шумит – к гостям.

Приметы

1. Гуси летят – к снегу.
2. Дождь с вечера – на весь следующий день.
3. Если в Пасху много звезд на небе, то летом много грибов будет.
4. Если в Николу Вешнего (22 мая) на небе звезды – в лесу много ягод будет.
5. Погода меняется на новолуние.
6. Птицы низко над лесом летят – к холодной зиме.

7. Ранняя весна на позднюю наводит.
8. Сосули длинные – весна будет затяжной.
9. Утренний дождь кончается к обеду.
10. Ярко-красный закат – к морозу или холодной погоде.

**Присловья–прозвища
(жителей деревень Пинежского района)**

1. Городецк, Явзора – костогрызы.
2. Засурье – заецы.
3. Горушка – дяличи.
4. Сура – галичи, цепели.
5. Прилук – крохали.
6. Пахурово – кузнецы.
7. Осаново – вороны.
8. Лавела – ельцы.
9. Шуломень – насолоды.
10. Каскомень – мусённые.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Прибаўтка

Бубин, ты бубин

*Бубин, ты бубин, сядь-ко на бочку,
Отдай свою дочку, за нашего князя,
У нашего князя, у нашего боярина
Трои сени, трои палаты
Шёлком обшиты, золотом обиты –
Коза не проскочит, рогами не проломит –
Коза проскочила, рогами проломила.*

- Где коза?*
- Коза в клетку ушла.*
- Где клетка?*
- Водой затопило.*
- Где вода?*
- Быки выпили.*
- Где быки?*
- В красну гору ушли.*
- Где красна гора?*
- Вся цветами проросла.*
- Где цветы?*
- Девки выщипали.*
- Где девки?*
- Замуж выскакали.*
- Где мужевья?*
- На войну ушли.*
- Где война?*
- Посреди гумна.*
- Где гумно?*
- Гуси выклевали.*
- Где гуси?*
- В леса улетели.*

Заумная считалка

Перваруга, (один)
 Другаруга, (два)
 Шарага, (три)
 Марага, (четыре)
 Двести, (пять)
 Манести, (шесть)
 Пирог, (семь),
 Соколок, (восемь)
 Покорюха, (девять)
 Десяток. (десять)

Колыбельные песни

Бай да побай

Бай да побай,
 Хоть сегодня умирай.
 Баюшки баю.
 Завтра тепло —
 На погост нести добро.
 Баюшки баю.
 Засыплем песочком.
 Поплачем голосочком.
 Баюшки баю.

Баю баюшки люли

1. Баю баюшки люли,
 Хоть сегодня помри,
 Хоть сегодня помри —
 Завтра похороны.
 Хоть какой недóсуг —
 Хоронить повезут.
2. На погосте-то звонят,
 Да и Колою хоронят,
 На погосте отзвонили,
 Да и Колою схоронили.
 Баю бай.
3. Ещё Сон-Дремота,
 Накатись на глаза,
 Накатись-ка на глаза
 Да на Машенькины.
4. Ещё Сон ходит по оцепу,
 А Дрема, по лужкам
 Ещё Сон говорит:
 «Наперед усыплю».
 А Дрема-то говорит:
 «Да наперёд удремлю».

КОММЕНТАРИИ

В комментариях приняты следующие сокращения:

- Айвазян* – Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С.Айвазян // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.
- Астахова* – Астахова А.М. Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. – Вып. 2. – Л., 1928.
- Бялашов* – Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М.Балашова. – М.; Л., 1963.
- Вин.* – Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. – 1907 – Вып. 1–2; 1908 – Вып. 1–4; 1909 – Вып. 2.
- Гипшиус-Эвальд* – Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собр. и разработ. Е.В.Гипшиус и З.В.Эвальд / Под общей ред. Е.В.Гипшиус. – Кн. 2. – М.: Гос. муз. изд-во, 1937.
- Григорьев* – Архангельские былины и исторические песни / Собр. А.Д.Григорьевым в 1889–1901 гг.: В 3 т. (Т. 1 – СПб., 1904; Т. 2 – Прага, 1939; Т. 3 – СПб., 1910).
- Ефименко* – Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. – Кн. 5. – Вып. 2. – М., 1878.
- Забьлини* – Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М.Забьлиным. – М., 1989.
- Истомин-Дютш* – Песни русского народа, собр. в губерниях Архангельской и Вологодской в 1880 г. / Зап. – слова Ф.М.Истомин; напевы – Г.О.Дютш. – СПб., 1894.
- Ист. песни III* – Исторические песни XVIII в. / Изд. подгот. О.Б.Алексеева и Л.И.Емельянов. – Л., 1971.
- Ист. песни IV* – Исторические песни XIX в. / Изд. подгот. Л.В.Домановский, О.Б.Алексеева, Э.С.Литвин. – Л., 1973.
- Киреевский* – Русские народные песни, собранные П.Киреевским. – Ч. 1: Русские народные стихи. – М., 1948.

Криничная – Криничная Н.А. Предания Русского Севера. – СПб.: Наука, 1991.

ЛАД – личный архив Н.В.Дранниковой.

Леонтьев – Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н.П.Леонтьев. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.

Майков – Майков Л.Н. Великорусские заклинания. – СПб., 1868.

Манс. – Мансика В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. – 1912. – Вып. 1.

Марков – Беломорские былины / Зап. А.Марковым, с пред. проф. В.Ф.Миллера. – М., 1901.

ОИП – Обрядовая поэзия Пинежья / Под ред. Н.И.Савушкиной. – М.: Изд-во МГУ, 1980.

П – папка.

ПЛ – Песни Лешуконья / Собр. М.Н.Мякушин. Муз. зап. П.Кольцова. – Архангельск: ОГИЗ, 1940.

ПФМ – Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н.П.Колнакова, Ф.В.Соколов, Б.М.Добровольский. – М.; Л., 1963.

Т – тетрадь.

ТАСК – Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. – Кн. 1. – Архангельск, 1866.

ФА – архив лаборатории фольклора ПГУ им.М.В.Ломоносова.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г.Бараг, И.Л.Березовский, К.П.Кабашников, Н.В.Новиков. – Л., 1979.

Селиванов – Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М.Селиванова. – М., 1991.

Заговоры

Все тексты заговоров записаны Е.Лисицкой от Т.А.Лисицкой, 1953 г.р., в с.Конёво Плесецкого района, 1996 г. *ФА: Т. 173.*

От Т.А.Лисицкой записано более 40 заговоров. Все тексты были переданы ей матерью, О.Ф.Матюговой, 1923 г.р., родившейся и проживавшей в п.Октябрьском Приозёрного района.

Особое внимание нами было обращено на сравнение мотивов и формул заговоров. Под мотивом мы понимаем минимальную единицу сюжета, под формулами – устойчивые схемы, характерные для многих заговоров.

От грыжи

Варианты перечислительной формулы, обозначающей грыжу см.: *Аст. С. 55; Вип. 1908. С. 26. № 31; С. 31. № 38; С. 32–33. № 42; С. 36. № 46; ТАСК. С. 22; Заб. С. 370. № 2; С. 384. № 2.*

Только с некоторыми расхождениями текст заговора опубликован Забылиным (С. 370–371. № 4).

Варианты формулы ссыла́ния зла («подигге вы...») см.: *Вин.* С. 74. № 101; С. 36. № 46; *Вин.* 1909. С. 13; *Ефименко.* II. С. 201. № 18, 19; С. 205. № 42; С. 217. № 95; С. 39. № 94 и др. *ОПП.* С. 170. № 185; С. 171. № 187; *Заб.* С. 335. № 2; *Заб.* С. 370. № 2.

От порчи

Варианты перечислительной формулы, обозначающей лиц, от которых оберегается больной («от девки-простоволоски» и др.) см.: *ОПП.* С. 70. № 185; *Вин.* 1907. С. 26. № 31; С. 28. № 38; С. 29. № 34; С. 37. № 48; С. 38. № 49; С. 41–42. № 52; С. 46. № 57; С. 53. № 70 (на скот); С. 55–56. № 71 (оберег скота); С. 60. № 76; С. 61. № 78; С. 94–95. № 128; *ТАСК.* С. 17–18; С. 22–23; С. 41; *Заб.* С. 295. № 2; С. 331. № 19; С. 339. № 10; С. 343–344; *Аст.* С. 55; С. 68; *Ефименко.* II. С. 144. № 22; С. 161–164. № 22; 23; С. 167–172. № 1–5; С. 180. № 28; *Майков.* № 43, 44, 211, 212, 218, 219, 221, 226, 233, 285, 321 и др.; *Манс.* С. 126. № 3; С. 135. № 71 и др.

Мотив Егория (Георгия) Храброго см.: *ТАСК.* С. 31; *Аст.* С. 74 и др.

Для удачи на охоте

В прежних публикациях вариантов заговора не обнаружено.

Заговор от ратных орудий

Варианты перечислительной формулы, обозначающей предметы, от которых человек «оберегается» («от топора...») см.: *Заб.* С. 301. Вариант формулы «илей – в рыбу, а рыба – в море» см.: *Заб.* С. 297.

На лечение скота

Варианты перечислительной формулы видов болезни см.: *ОПП.* С. 173. № 201; *ТАСК.* С. 23; *Ефименко.* II. С. 176. № 17; С. 177. № 2; С. 55. № 123; С. 56–57. № 128; С. 77–78. № 195–198; *Манс.* С. 127. № 13.

Присушный заговор

Варианты перечислительной формулы цели («чтобы...») см. *ОПП.* С. 172. № 192; С. 174. № 205; С. 175. № 207; С. 175. № 208; *ТАСК.* С. 41. № 2–3; *Заб.* С. 302–303. № 2; С. 306–307; С. 310. № 11; *Вин.* 1907. С. 30. № 37; С. 45. № 55; С. 51. № 68; *Ефименко.* II. С. 139–145. № 1–20; С. 212. № 67; *Майков.* С. 140. № 1–16; *Манс.* С. 120. № 23 и др.

Обряды жизненного цикла человека

Похоронно-поминальная обрядность

Зап. Н.В.Дранниковой, Д.Ральцевой, Т.Кошелевой, О.Поспеловой, С.Шмаковым от Л.А.Смоленской, 1947 г.р., Н.П.Фефиловой, 1935 г.р., в д.Кевроле Пинежского района, 1996 г. *ФА: Т. 89.*

Свадебная обрядность

Зап. Н.В.Дранниковой от Т.А.Чикиной, 1905 г.р., и К.В.Шульгиной, 1901 г.р., в д.Погорелец Мезенского района, 1979 г. *ЛАД: П. 8.*

Тексты песен «Во январе во первом месяце», «Отставала лебедушка», «Что ты, что ты, синё море?», «Во горнице во новой», величальные – дружке, вдове, тысяцкому не включены в публикацию. Записи песен находятся в архиве.

Рекрутская обрядность

Зап. Н.В.Дранниковой от Л.А.Смоленской, 1947 г.р., в д.Кевроле Пинежского района, 1996 г. *ФА: Т. 88.*

Песня «Ой, по дорожечке да было по широкой» является сокращенным вариантом исторической песни «Поход на шведскую границу».

Календарная обрядность

Обряд окончания жатвы

Зап. Н.В.Дранниковой, Д.Ральцевой, Т.Копелевой, О.Поспеловой, С.Шмаковым, М.Рядовкиным от Р.А.Черемной, 1910 г.р., Л.А.Смоленской, 1947 г.р., в д.Кевроле Пинежского района, 1996 г. *ФА: Т. 89.*

Святочная обрядность Верхней Пинеги

Зап. Н.В.Дранниковой, А.Барановым, Е.Косенко от Н.И.Ширяевой, 1912 г., в д.Городецк Сурского сельсовета Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 91.*

Зап. Н.В.Дранниковой, М.Соковым, Г.Валкиным, В.Сазоновым от А.Е.Мералой, 1927 г.р., в д.Засурье; А.С.Бульгиной, 1915 г.р., в с.Суре; А.А.Филпой, 1914 г.р., в с.Суре Пинежского района, 1998 г. *ФА: II. 220.*

Записи текстов святочных игр находятся в архиве лаборатории фольклора и в публикации нами не приводятся.

Календарная поэзия

Виноградье

Не во далецем далеко. Зап. Н.В.Дранниковой от Е.Д.Емеева, 1910 г.р., в д.Жердь Мезенского района, 1981 г. *ЛАД: II. 3.*

Виноградье исполнялось в Святки, начиная с Рождества, во время обрядового обхода дворов и посвящалось девушке-невесте; маркируется как «девь», или холостое.

С конца до конца – до Егория-молодца

Зап. И.Бутаковым, В.Мозговой, Е.Прилучной, М.Козикой от В.И.Алимова, 1957 г.р., в с.Лешуконском Лешуконского района, 1992 г. *ФА: Т. II.*

Текст представляет традицию святочного пародийного опевания женатых мужчин деревни.

Несказочная проза

Былички

Колдовство, порча

Как злой человек ружьё испортил

Зап. А.Барановым, Е.Косенко от И.В.Сосновского, 1916 г.р., в д.Оса-ново Сурского сельсовета Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 92.*

Домовой

Домовой мучает скотину

Зап. А.Барановым и Е.Косенко от А.А.Хромцовой, 1933 г.р., в д.Остров Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 92.*

Сюжетные мотивы быличек и бывальщин даются нами по «Указателю сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» / Сост. С. Айвазян (см.: список сокращений).

Айвазян, Б., Домовой, 7б.

Леший

Леший уводит отдавших ему неосторожным словом

Зап. А. Барановым и Е. Косенко от А. А. Хромцовой, 1933 г.р., д. Остров Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 92.*

Айвазян, А., Леший, 7а.

Баенник

Баенник учит играть на гармонии

Зап. А. Барановым и Е. Косенко от И. В. Сосновского, 1916 г.р., в д. Осново Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 92.*

Айвазян, Б., Баенник, 1а.

Бывальщина

У водяного в гостях

Зап. О. Пушкиной от Н. П. Кошелевой, 1925 г.р., в д. Бестужево Устьянского района, 1997 г. *ФА: Т. 201.*

Бывальщина понимается нами как неразорванный целостный текст, состоящий из серии мотивов.

Айвазян, Водяной, 7, 8, 10, 12.

Легенды

Как отец Серафим на черте в Иерусалим летал

Зап. А. Барановым и Е. Косенко от И. В. Сосновского, 1916 г.р., в д. Осново Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 91.*

На содержание легенды сильное влияние оказал памятник древнерусской литературы «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим».

Легенды об Иоанне Крошгадском

Зап. Н. В. Дранниковой от В. К. Хромцова, 1957 г.р., в д. Сура Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 94.*

Предания

Топонимическое предание

Основание деревни Валдсево

Зап. Н. В. Дранниковой от Е. Е. Козенковой, 1921 г.р., в д. Валдеево Коношского района, 1994 г. *ФА: П. 1.*

В тексте содержится несколько мотивов: основание строительного объекта и происхождение топонима (*Криничная*, Ж, 3.а; 3.1.б.).

Историческое предание

Затонувшее золото в реке Пянде

Самозапись Т. А. Конусовой, 1978 г.р., г. Архангельск, 1996 г. *ФА: П. 1.*

В тексте содержатся мотивы: происхождение особенностей ландшафта; захоронение клада (*Криничная*, Б, 8, X).

Об основании колокольни в Каргополе

Самозапись Е.А.Окуловой, 1978 г.р., родилась в д.Архангело Каргопольского района, г.Архангельск, 1996 г. *ФА: П. 1.*

В тексте реализуется мотив основания строительного объекта местными жителями (*Криничная, Ж, 3.б*).

Сказки**Волшебные сказки****Сказка про девушку и собаку**

Зап. Л.Поповой от А.П.Алфёровой, 1911 г.р., в д.Согра Горковского сельсовета Верхнетоемского района, 1997 г. *ФА: Т. 180.*

Приводятся номера и названия сюжетов по *СУС*, соответствующие опубликованным текстам сказок. *СУС* 440 (Муж – рак (лягушка, жаба, уж, змей, червячок).

Как отец на дочери хотел жениться

Зап. Ю.Филатовой от А.С.Алферовой, 1922 г.р., в д.Керас Горковского сельсовета Верхнетоемского района, 1997 г. *ФА: Т. 185.*

СУС 510 В (Свишой чехол).

Бытовая сказка**Сказка про поповку**

Зап. О.Пушкиной от Н.П.Копелевой, 1925 г.р., в д.Бестужево Устьянского района, 1997 г.

СУС 1419 F* (Бабы увертки); 1383 (Одураченный муж).

Сказка о животных

Зап. А.Русановым от В.А.Русановой, 1910 г.р., малогр., в д.Бор Горковского сельсовета Верхнетоемского района, 1992 г. *ФА: Т. 154.*

СУС 37 (Лиса-нянька (плачя).

Эпические песни**Исторические песни****Сядем-ко, ребятушки, во единый круг**

Зап. Н.В.Дранниковой от Е.М.Дьячковой, 1908 г.р., в г.Мезени Мезенского района, 1980 г. *ЛАД: П. 1.*

Е.М.Дьячкова сообщила, что песню знает от своего отца, М.Коротаева, который долго служил в царской армии.

Вариант песни «На военном корабле». В 1771 г. флотилия адмирала А.Н.Сенявина вышла из Таганрога с целью оказания помощи сухопутным войскам в Крыму. В Черном море флотилия одержала ряд побед над турецким флотом.

Варианты: *Ист. песни. III. № 471; Истосин-Дютиш. С. 216. № 43; ПФМ. С. 84. № 38.*

Выпил рюмочку, выпил две

Зап. Н.В.Дранниковой от Е.М.Дьячковой, 1908 г.р., в г.Мезени Мезенского района, 1980 г. *ЛАД: П. 1.*

Песню знает от отца. Вариант песни «Платов у французов». Песня была широко распространена и отразила большую популярность Платова, героя войны 1812 г.

патрет казать – паспорт.

Вар.: *Истомин-Дютш.* С. 228. № 51; *Григорьев.* I. С. 189. № 12(48); *Леонтьев.* С. 156. № 68; *ПФМ.* С. 46. № 8; С. 47. № 9; С. 49. № 10.

Песня об Александре

Зап. Н.Ситниковой от В.И.Алимова, 1957 г.р., в с.Лешуконском, 1998. *ФА: Т. 205.*

Вариант песни «Смерть Александра I». В начале сентября 1825 г. Александр I отправляется в поездку по Южной России. Во время неё он заболел и умер в ноябре в Таганроге. Гроб с его телом везли через всю Россию в Петербург. Тело было привезено только в марте 1826 г.

Вар.: *Ист. песни.* IV. № 181; *ПФМ.* С. 50. № 11.

Баллады

Теща в гостях у зятя

Зап. И.Бутаковым, Э.Саломатиным, Е.Прилучной, М.Козикой, В.Мозговой от Р.П.Красиковой, 1930 г.р., в с.Лешуконском, 1992 г. *ФА: Т. 11.*

В некоторых вариантах мать уезжает на Русь.

Вар.: *Марков.* С. 289. № 57 *Григорьев* I. С. 462. № 114; *ПФМ.* С. 37. № 1; *Балашов.* С. 11.

Край пути было дорожки

Зап. Н.В.Дранниковой от Ю.А.Падрухиной, 1920 г.р., в д.Погорелец Мезенского района, 1979 г. *ЛАД: П. 1.*

Песню считали рекрутской и исполняли во время рекрутского обряда вместе с песней «Горы Воробьёвские».

Вар.: *Гишнус-Эвальд.* № 136; *Леонтьев.* С. 164. № 78; *ПФМ.* С. 99. № 52; С. 100. № 53.

Талань

Зап. Л.Кузнецовой, Т.Гуменюк, С.Кучинским, К.Мекешиним от М.П.Неспаловой, 1935 г.р., с.Лешуконском, 1992 г. *ФА: Т. 11.*

Поздний вариант баллады «Жена разбойника». Текст испытал влияние свадебной обрядовой и плясовой поэзии.

Вар.: *Леонтьев.* С.159. № 72.

Духовные стихи

Стих о двух грешных душах

Зап. Т.Трубкиной от А.А.Деевой, 1921 г.р., в с.Красноборском Красноборского района, 1992 г. *ФА: Т. 150.*

Стих приобрёл обрядовое значение и исполнялся на Страстной неделе перед Пасхой.

Известен «Стих о грешной душе» (*Киреевский.* № 22)

Вознесение Христа

Зап. Т.Трубкиной от А.А.Деевой, 1921 г.р., в с.Красноборском Красноборского района, 1992. *ФА: Т. 151.*

Стих приобрел обрядовое значение (см. выше).

Вар.: *Селиванов*. № 21.

Необрядовая лирика

Протяжные песни

Грумант-батюшко страшён

Зап. Н.В.Дранниковой от В.И.Мишькина, 1916 г.р., в г.Мезени Мезенского района, 1984 г. *ЛАД: П. 2.*

Калина в саду

Зап. Н.В.Дранниковой от хора женщин из трех человек: К.В.Шульгиной, 1901 г.р., М.А.Капутиной, 1911 г.р., А.В.Поповой, 1904 г.р., в п.Каменка Мезенского района, 1980 г. *ЛАД: П. 3.*

Вар.: *Ефименко*. II. С. 64; *ПФМ*. С. 43.

Говорил я своей любушке

Зап. Н.В.Дранниковой от К.В.Шульгиной, 1901 г.р., в п.Каменка Мезенского района, 1979 г. *ЛАД: П. 2.*

Вар.: *Ефименко*. II. С. 55; *Леонтьев*. № 174.

Мимо моего садика

Зап. Н.В.Дранниковой от Н.М.Сырковой, 1919 г.р., в г.Мезени, 1979 г. *ЛАД: П. 1.*

Частые песни

Улка, ты улка моя

Зап. Н.В.Дранниковой от М.И.Шарухиной, 1924 г.р., в г.Мезени, 1979 г. *ЛАД: П. 2.*

Последняя часть песни представляет собою куплет баллады «Жена разбойника» (см. балладу «Талань»).

Молодежь скоро подкатит

Зап. Н.В.Дранниковой от Л.А.Смоленской, 1947 г.р., в д.Кевроле Пинежского района, 1996 г. *ФА: Т. 89.*

Запись является, так называемой, корильной песней о деревнях.

Частушки

Плясовые

№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 зап. Н.В.Дранниковой от А.Ф.Ушаковой, 1927 г.р., в д.Погорелец Мезенского района, 1980 г. *ЛАД: П. 4.*

Частушки-жалобы

№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 зап. Н.В.Дранниковой от А.С.Падрухиной, 1913 г.р., в г.Мезени, 1980 г. *ЛАД: П. 4.*

Лирические миниатюры

№ 1, 5, 9, 11, 13, 20, 22 зап. от Е.Е.Федуловой, 1920 г.р., в г.Мезени, 1980 г.

№ 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21 зап. от Ю.А.Падрухиной, 1920 г.р., в д.Погорелец Мезенского района, 1980 г. *ЛАД: П. 5.*

Небылицы

№ 1, 2, 3, 4 зап. Н.В.Дранниковой от К.В.Шульгиной, 1901 г.р., в п.Каменка Мезенского района, 1979 г. *ЛАД: П. 5.*

Предложенная в публикации классификация носит функционально-генетический характер. Мы исходим из того, что частушка имеет полигенетическое происхождение. На ее формирование оказали влияние различные жанры. Поэтому внутри частушки выделяются различные жанровые модификации, восходящие к жанрам причитаний, лирической протяжной и плясовой песне, к эстетике скоморошества (см.: Дранникова Н.В. Севернорусская частушка и ее генетические истоки: Метод. рек. для студ. ун-в. — Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997).

Фольклор речевых ситуаций***Пословицы***

№ 1, 2, 3, 6, 11, 15, 16, 22, 23, 25 зап. Н.В.Дранниковой от А.С.Падрухиной, 1913 г.р., в г.Мезени, 1980 г. *ЛАД: П. 9.*

№ 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 24 зап. Н.В.Дранниковой от Е.В.Жуковой, 1922 г.р., в с.Долгощелье Мезенского района, 1984 г. *ЛАД: П. 10.*

Поговорки

№ 8, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 20 зап. Н.В.Дранниковой от А.С.Падрухиной, 1913 г.р., в г.Мезени, 1980 г. *ЛАД: П. 9.*

№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13, 16, 18, 19 зап. Н.В.Дранниковой от А.В.Нечаевой, 1918 г.р., в с.Долгощелье Мезенского района, 1984 г. *ЛАД: П. 10.*

Поверья (суеверные приметы)

№ 1, 5, 7, 10 зап. Н.В.Дранниковой от А.С.Падрухиной, 1913 г.р., в г.Мезени, 1980 г. *ЛАД: П. 9.*

№ 2, 3, 4, 6, 8, 9 зап. Н.В.Дранниковой от Е.В.Жуковой, 1922 г.р., в с.Долгощелье Мезенского района, 1984 г. *ЛАД: П. 10.*

Приметы

№ 1–10 зап. Н.В.Дранниковой от К.О.Нечаевой, 1922 г.р., в с.Долгощелье Мезенского района, 1984 г. *ЛАД: П. 10.*

Присловья—прозвища

Зап. Н.В.Дранниковой от М.К.Аверкиевой, 1927 г.р., в с.Суре Пинежского района, 1998 г. *ФА: П. 220.*

Детский фольклор***Прибаутка******Бубин, ты бубин***

Зап. Н.В.Дранниковой от В.П.Сюмкина, 1947 г.р., в г.Мезени, 1992 г. *ЛАД: П. 11.*

По определению информатора, текст называется скоморошиной. Прибаутка широко распространена на Мезени. Публикуемый текст является наиболее полным ее вариантом.

Заумная считалка

Зап. Н.В.Дранниковой от А.Е.Колчевой, 1935 г.р., в д.Городецк Сурского сельсовета Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 93*

Запись представляет собою табуированный счет до десяти. Информатор сообщила, что текст узнала в раннем детстве «от старенького деда Ивана».

Колыбельные песни

Бай да побай

Зап. Д.Гевелем, С.Зеляниным, Ж.Коноваловой, Л.Гончаровой от М.В.Лужбниной 1917 г.р., в д.Верховье Тавреньского сельсовета Коношского района, 1994 г. *ФА: Т. 26.*

Баю баюшки люли

Зап. А.Бараповым и Е.Косенко от П.Ф.Хромцовой, 1935 г.р., в д.Городецк Пинежского района, 1997 г. *ФА: Т. 92.*

ГЛОВАРЬ

Диалектных, устаревших и малоупотребительных слов¹

Лáтырь (лáтырь) – в русском фольклоре сакральный камень, с чудесными и целебными свойствами, находится на острове Буяне в море.

Ба́енник – дух бани.

Ба́янный обед – угощение после невестинной бани во время свадебного обряда.

Безотпáточно – без возврата.

Берéмя – ноша, охапка; груз, который несут на руках.

Божáтка – крестная.

Борода́ – последний сноп жита, который перевязывается жгутом.

Бороди́о – праздничная трапеза по поводу окончания жатвы.

Бу́бин – злой, упрямый человек.

Була́тный – сделанный из высококачественной стали.

Вза́дпята – задом наперед.

Вéрес – можжевельник.

(На) ветхú мясцú , на перекрóй мясцú – при ущербном месяце.

Вечóрка – молодежное гуляние.

Вýгон – кисель, который подается последним из блюд во время ритуальной трапезы.

Годи́ны – годовщина смерти.

Горáче – эпизод свадебного обряда, невестина баня, во время которой невеста прощалась с девьей красотой.

Грúманит – остров Шпицберген.

Грýжа – опухоль брюшной полости, кила, резь, боль в животе.

Дóльная (лавка) – стоящая около стены, вдоль половниц.

Домовiна – гроб.

Дрóля – парень, с которым встречается девушка.

Дрúжка – свадебный чин.

Дува́н – делёж добычи.

¹ В словарных статьях приводятся лишь те значения, в которых данные слова употребляются в публикуемых текстах.

Его́ва – её.

Женихи́ – свадебный поезд.

Жи́тник – хлеб.

Жи́то – ячмень.

Жура́вый – напоминающий журав, или очен, – часть колодца в виде деревянного столба с перекладиной.

Зами́ловка – любимая девушка или жевница.

Зы́бка – колыбель.

Игри́ща – святочные молодежные гуляния.

Има́ть – ловить.

Кали́тки – сочни круглой формы с крупой.

Ка́менка – печь из дикого камня с полукруглым сводом.

Камилáвка – высокий, расшитый сверху головной убор без полей.

Камчу́жница (камчу́г) – болезнь костей ног.

Ка́шница – обрядовая каша.

Кила́ – опухоль.

Кле́тка – огороженное место.

Комово́й – тяжелый, очень трудный.

Кося́цетое (окно) – с косяками и рамами.

Кры́лос – клирос, место в церкви, где находится хор.

Кудеситъ – совершать святочные безобразия.

Лагу́н – деревянный бочонок для пива, кадка.

Ма́рево – летние испарения от земли, возникающие в результате сильной жары, и вызывающие облачность.

Матё́рый – большой, сильный.

Мо́ст – коридор, сени.

Мусня́ – обрядовая каша.

Мурава́ – молодая трава.

Наре́згаться – напиток.

Насоло́дый – грязноногий.

Пего́дй – мужчина, который не служил в армии по состоянию здоровья.

Не́крут – рекрут.

Но́коть, но́готь – болезнь скота, судороги.

Обве́т – обет.

Окладно́ – первый ряд бревен во время строительства.

Около́к – небольшая часть деревни, один из ее концов.

Опóсле – позднее.

Осто́жье – ограда из жердей вокруг стога сена.

Оцеп – палка, при помощи которой качают колыбель.

Ошкуй – белый медведь.

Перемены – блода, которые подаются в определенной последовательности во время ритуальной трапезы.

Плаксы – причитания.

Повесть – хозяйственная часть дома.

Погобст – кладбище.

Подгащиваться – подлизываться.

Подклёт(ь) – чулан без окон, преимущественно пустой.

Подпорóжницы – девушки, которые во время обрядовой трапезы имели право стоять только около порога.

Подсанки – деревянные санки, использующиеся в хозяйстве.

Подызмѣнца, передызмѣнка – площадка под крышей, которая служит входом на чердак или верхнюю горницу.

Полотуха – посуда для муки.

Покрутиться – пойти покрутичком на зверобойный промысел.

Покру́тчик – участник зверобойной артели, нанятый хозяином.

Поповка – поповна.

Порáто – очень.

Посѣдка – предсвадебная вечеринка в доме невесты.

Призѳр – сглаз, порча.

Примѳток – скамья, прикрепляемая к стене в крестьянской избе.

Простѳны – ритуальная трапеза во время рекрутского обряда.

Разболокáться – раздеваться.

Рогáтина – воинское оружие в виде короткого копья.

Рукобѳтье – сговор, первая официальная встреча жениха и невесты.

Сажѳнь – старинная русская мера длины, равная 2,134 м.

Свáтовщик – сват.

Сечѳще – лес.

Скобá – ручка двери в виде железного кольца.

Спорядѳвные (соседи) – проживающие рядом, дома которых находятся рядом.

Стан – временная в продолжение морских промыслов или постоянная приморская фактория.

Стѳльник – тамада, руководитель во время обрядовой трапезы.

Стряпѳльница – поварня.

Талáн(ь) – участь, судьба.

Тѳшать – тесать.

Тишинá – персонифицированное состояние спокойствия у младенца.

Тулѳться – прятаться.

Тя – тебя.

Уресвяный – дресвяный, крупнопесчаный камень.

Урбсливый, прикбсливый – делающий прикосы, порчи.

Урбченик – 1) имеющий дурной глаз; 2) наводящий порчу.

Хобот – хвост.

Хулить – ругать.

Черемный – рыжий, темно-красный.

Чиковатый – форсистый.

Чиньга – болезнь костей рук, сопровождающаяся отеками.

Ярый – сильный.

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиционная работа лаборатории фольклора	3
ЗАГОВОРЫ	10
ЛЕЧЕБНЫЕ	10
От грыжи	10
От порчи	11
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ	11
Для удачи на охоте	11
На лечение скота	12
ВОИНСКИЙ	12
Заговор от ратных орудий	12
ЛЮБОВНОЙ	12
Присушный заговор	12
ЗАГОВОР ДЕТСТВА	13
От тишины у младенца	13
ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ЧЕЛОВЕКА	14
Похоронно-поминальная обрядность	14
Свадебная обрядность	16
Рекрутская обрядность	20
КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	24
Обряд окончания жатвы	24
Святочная обрядность Верхней Пинеги	25
КАЛЕНДАРНАЯ ПОЭЗИЯ	27
Виноградье	27
С конца до конца — до Егория-молодца	28
НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА	29
БЫЛИЧКИ	29
<i>Колдовство, порча</i>	29
Как злой человек ружье испортил	29
<i>Домовой</i>	29
Как домовый скот обижает	29
<i>Леший</i>	30
Леший уводит отданных ему неосторожным словом	30
<i>Басенник</i>	30
Басенник учит играть на гармонии	30
БЫВАЛЬЩИНА	30
У водяного в гостях	30
ЛЕГЕНДЫ	32
Как отец Серафим на черте в Иерусалим летал	32
Легенды об Иоанне Кронштадском	33
ПРЕДАНИЯ	34
<i>Топоническое предание</i>	34
Основание деревни Валдеево	34

<i>Исторические предания</i>	34
Затонувшее золото в реке Пяиде	34
Об основахши колокольни в Каргополе	34
СКАЗКИ	36
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	36
Сказка про девушку и собаку	36
Как отец на дочери хотел жениться	37
БЫТОВАЯ СКАЗКА	40
Сказка про поповку	40
СКАЗКА О ЖИВОТНЫХ	42
Лиса-плакальница	42
ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	44
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	44
Сядем-ко, ребяташки, во единый круг (На военном корабле)	44
Выпил рюмочку, выпил две (Платов у французов)	45
Песня об Александре (Смерть Александра I)	46
БАЛЛАДЫ	46
Как за речкою да за великою (Теща в плену у зятя)	46
Край пути было дорожечки	47
Талань (Жена разбойника)	48
ДУХОВНЫЕ СТИХИ	49
Стих о двух грешных душах	49
Вознесение Христа	50
НЕОБРЯДОВАЯ ЛИРИКА	52
ПРОТЯЖНЫЕ ПЕСНИ	52
Грумант-багюшко страшен	52
Калина в саду	53
Говорил я своей любушке	53
Мимо моего садика	54
ЧАСТЫЕ ПЕСНИ	54
Улка, ты улка моя	54
Молодежь скоро подкатит	55
ЧАСТУШКИ	56
<i>Шлясовые</i>	56
<i>Частишки-жалобы</i>	56
<i>Лирические миниатюры</i>	57
<i>Небылицы</i>	58
ФОЛЬКЛОР РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ	59
Пословицы	59
Поговорки	59
Поверья (с северными приметами)	60
Приметы	60
Присловья-прозвища (жителей деревень Пинежского района)	61
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	62
Приваутка	62
Бубни, ты бубни	62
Заумная считалка	65
Колыбельные песни	65
КОММЕНТАРИИ	64
СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ, УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	74